

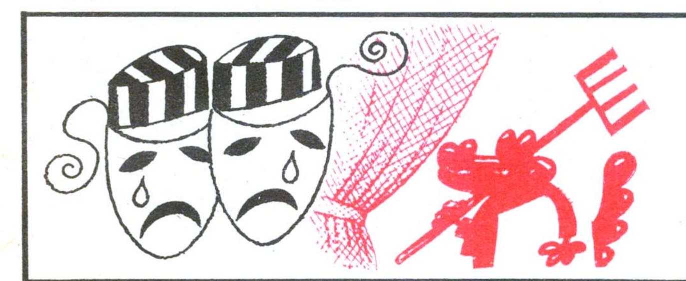
КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 17 ИЮНЬ 1989

ИУДА: — А я не думаю раскаиваться. Время было такое.

В. ШКАРБАН, М. ДОМБРОВСКАЯ (тема).

Музы на подмостках Гулага.

Стр. 6.

КРОКОДИЛ

№ 17 (2639)
июнь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 10.05.89.
Подписано к печати 22.05.89.
А 00291.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 079).
Зак. № 614.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). зак. 1843

ЛЕД ТРОНУЛСЯ!

● ПРИГЛАШАЕТ ЗАВОДСКОЙ СЕРВИС ● ЧТОБЫ НЕ ТЕКЛИ КРАНЫ ● ПОКУПКА ПО КАТАЛОГУ СОСТОИТСЯ

● По горным дорогам Сванетии петляют машины, груженные буренками. Их везут на мясокомбинат, а там... Впрочем, о том, что происходит на мясокомбинате, было подробно рассказано в фельетоне К. Убилавы «Мясо на тормозах» (№ 34, 1988 г.). Почему ж оно, спросите, на тормозах? А потому, оказывается, что мясокомбинат привезенный скот не принимает, чем тормозит его переработку и, естественно, поступление мяса на прилавки магазинов. Почему не принимает? По многим причинам, в том числе по той, что «в отрасли до 25 процентов оборудования является устаревшим, подлежащим замене». Однако вопли отчаяния грузинских мясопереработчиков, как писал фельетонист, похоже, не слышат изготовители оборудования. В частности столичный завод холодильного машиностроения «Компрессор»...

Так вот, рады сообщить читателям: «Компрессор», кажется, услышал зов о помощи. Судя по официальному ответу на фельетон зам. генерального директора завода В. Машанова, теперь «создается при заводе служба сервисного обслуживания оборудования у заказчиков, которая осуществляет пусконаладку, ремонт и сервисное обслуживание машин». Для сведения всех заинтересованных предприятий в ответе дается даже телефон новой службы: 273-30-66. Обратиться следует к Л. Р. Кругляку или И. В. Лозовому.

● «Прием прошел в теплой обстановке» — так называлась заметка в № 2, 1989 г. О чем речь? О том, что после выступления в «Крокодиле» сантехника Г. Бирагова его принял сам министр жилищно-коммунального хозяйства Северо-Осетинской АССР М. Бакшиев и имел с ним беседу. Как сообщил министр, сантехник Бирагов «высказал удовлетворение рассмотрением письма...».

В отличие от сантехника Крокодил такого чувства не выказал. По той простой причине, что разнообразные взыскания и замечания должностным лицам, которые были объявлены в Северной Осетии, отнюдь не могут ликвидировать дефицита труб, прокладок и прочей сан- и жилищной техники, от чего страдают жильцы не только СО АССР, но и всей нашей необъятной страны «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». В связи с чем Крокодил обратился к Госплану СССР с деликатным вопросом: «Почему жилищно-коммунальная служба находится в загоне, а средства на ее содержание определяются все по тому же неоднократно осужденному «остаточному принципу»?»

Начальник отдела развития материальной базы социальной сферы и жилищного строительства Госплана СССР А. Федоров дал развернутый ответ на этот вопрос. Он, в частности, пишет: «Одним из отправных пунктов начатой перестройки нашего общества явилось сложившееся за многие годы отставание в развитии социальной сферы, в том числе жилищно-коммунального хозяйства... Преодоление этого отставания и обеспечение намеченным социальным программам приоритетного положения в системе народнохозяйственных планов — задачи, к решению которых приступили сейчас не только Госплан СССР и другие центральные ведомства, но и республиканские органы управления совместно с местными Советами народных депутатов и трудовыми коллективами предприятий всех отраслей народного хозяйства...

Ремонт жилищного фонда при проработке этих вопросов к плану на 1989 год отнесен Госпланом СССР к числу приоритетных направлений и отраслей народного хозяйства, обеспечиваемых материально-техническими ресурсами из поставок по Государственному заказу».

Сообщив, что предприятия Минжилкомхоза Белорусской ССР перешли с 1 января 1989 года на новый экономический механизм, а предложения по РСФСР и Украинской ССР (видимо, по этому вопросу) находятся на рассмотрении в Госплане, тов. Федоров возлагает надежду на то, что «реализация решений XIX Всесоюзной конференции КПСС и июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС... окажет влияние на улучшение работы жилищно-коммунального хозяйства страны».

Крокодил тоже на это очень надеется. Единственно, что осталось неясным из ответа Госплана: как будет с трубами, прокладками, сантехническим оборудованием и кровельным железом в ближайшие годы? Неужели все эти материалы опять останутся в жестоком дефиците? Или глобальное переименование ЖЭКов в ДЭЗы, а ДЭЗов в РЭУ вольет в жилищно-коммунальную службу новую невиданную доселе силу, позволяющую преодолеть всяческие дефициты?

* * *

Когда вышеприведенная заметка была подготовлена к печати, пришло неожиданное письмо из Костромы. Председатель кооператива «Эхо» при Костромском судомеханическом заводе Н. Кульков сообщил, что кооператив выпускает необходимые сантехникам прокладки и клапаны. Стоимость прокладок всех типов диаметром 50 мм 7 копеек за штуку, стоимость клапанов — 5 копеек. Иной размер оговаривается отдельно. Адрес кооператива «Эхо»: 156004, г. Кострома, ул. Покровского, 4, Судомеханический завод.

Вот вам и выход из затруднительного положения! То, что не могут госпредприятия, кооперативы осваивают без проблем...

● Корреспондент журнала И. Скоробогатова, ознакомившись с каталогом товаров народного потребления «Вестник» (авторы В/О «Союзторгреклама» и Московская торгово-промышленная палата), попыталась приобрести кое-что из рекламируемых обновок. Но не тут-то было! Оказалось, что полюбившийся товар можно встретить исключительно на страницах «Вестника», но отнюдь не на прилавках магазинов. Об этом грустном несоответствии и было поведано в фельетоне «Том, где разбиваются сердца» (№ 34, 1988 г.).

Не за горами новый выпуск каталога, то бишь «тома второго». Нужно ли заблаговременно запасаться сердечными каплями? Ответить на этот вопрос помог подоспевший ответ заместителя министра торговли СССР С. Саруханова: «При выпуске следующего номера каталога Минторгом СССР рекомендовано произвести более тщательный отбор товаров, имеющихся в достаточном количестве, и дать раздел посылочной торговли, где по отрывному талону покупатели смогут заказать определенные товары через «Роспосылторг» Минторга РСФСР и «Главкооппосылторг» Центросоюза. Кроме того, при издании такого каталога в дальнейшем будут напечатаны модели сезона с выкройками и указаны адреса фирменных магазинов, где в основном производится продажа рекламируемых товаров».

Судя по официальному ответу, к моменту выпуска «тома второго» запасаться нужно не сердечными каплями, а платяными шкафами, куда придется складывать купленные в большом количестве товары. Это очень приятно. Правда, беспокоит одна маленькая деталь: а адреса мебельных магазинов, где можно будет приобрести эти шкафы, тоже укажут? А то ведь с мебелью напряженка...

ВИЛЫ В БОК

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ОТКАЗ

Некоторые легкомысленные граждане готовы в эйфории гласности все наши секреты раскрыть. Какие, говорят, нынче тайны, если из космоса любую бумажку можно прочитать. Вот, скажем, жилищная комиссия Карагандинского горисполкома решает отказать нашему читателю Г. Вильнеру в обмене его квартиры на квартиру в городе Темиртау. Причины отказа изложены в решении, с которым легче ознакомиться из космоса, чем в кабинете, где оно хранится. Решение от Г. Вильнера, члена КПСС, пропагандиста с тридцатилетним стажем, засекречено, возможно, даже на нем поставлен гриф «совершенно секретно».

— Мы не обязаны каждому объяснять свои решения, — намекая, очевидно, на закрытость документа, пояснили Г. Вильнеру в отделе по обмену жилой площади.

— Я хочу опротестовать решение, дайте выписку из протокола, — наивно попросил Г. Вильнер.

— Кому требуется, пускай запросит. Будет входящая, отправим исходящую.

Тем самым Г. Вильнеру намекнули, что лично в руки выдать ему решение никак нельзя, это нанесет невосполнимый урон государственным интересам. Конфиденциальную информацию можно только шепнуть на ушко другому учреждению и то с условием, что оно не поделится ею с Г. Вильнером.

Теперь Г. Вильнер намеревается отправить исходящую от него бумагу нашим космонавтам, чтобы они при ближайшем полете заглянули в решение из космоса и прислали ему радиошифровку.

Э. ИВАНОВ.

С ЛЕГКОЙ ДОБЫЧЕЙ!

Фамилию этого человека, несмотря на эпоху гласности, мы сохраним в тайне. Дело было в бане, гласность полезна и баням, но все же до определенной степени. До тех пор, пока перо журналиста не натыкается на обнаженную натуру, которая после помытия мечется по предбаннику в поисках своей одежды. Зрелище комичное, поэтому во избежание насмешек фамилии, домашнего адреса и правительственных наград потерпевшего обнародовать не станем.

Все остальное обнародуем: местонахождение бани — город Волгоград, улица Авиагородок, 10, стоимость билета 80 копеек, пар, по утверждению администрации, лучший в городе. Воры сюда повадились тоже не худшие, описанный случай не первый, милиция с ног сбилась, а напасть на след похитителей не может.

Отчего же воришки облюбовали для своего промысла именно эту баню? Что их манит сюда — ядреный парок или редкая возможность повеселиться: забавно все-таки видеть, как обобранный до нитки человек сугубо официальным тоном, который не вяжется с неофициальным обликом, отчитывает раззяву банщицу, не углядевшую за его шмотками?

Ответ прост и незатейлив, как банная шайка. Воришек влечет сюда прежде всего отсутствие гардероба и других сколь-нибудь надежных условий для сохранности одежды, которую клиентура оставляет на лавках в предбаннике — сервис исключительно в расчете на любителей чужого добра.

Надо думать, покидая баню, воришки говорят друг другу не только «С легким паром!», но и «С легкой добычей!»

Э. ПОЛЯНСКИЙ.

СКОЛЬКО СТОИТ КРОССВОРД?

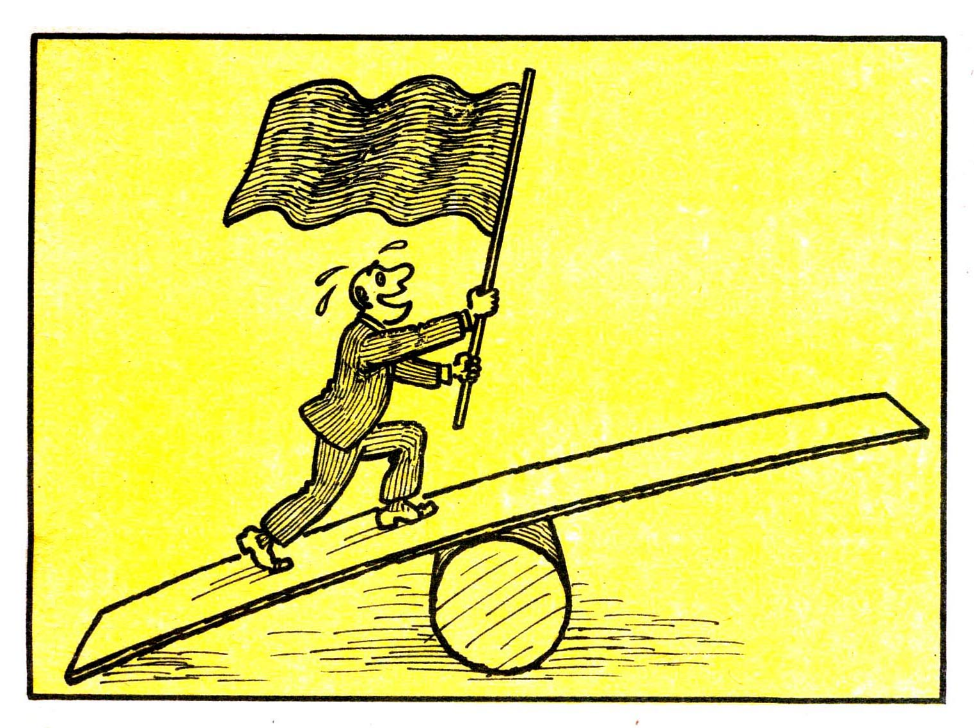
В самом деле, сколько? Скажем, за субботний номер московской «Вечерки» с кроссвордом мы платим три копейки. Но ведь это за весь номер, а сколько может стоить один кроссворд, напечатанный отдельно?

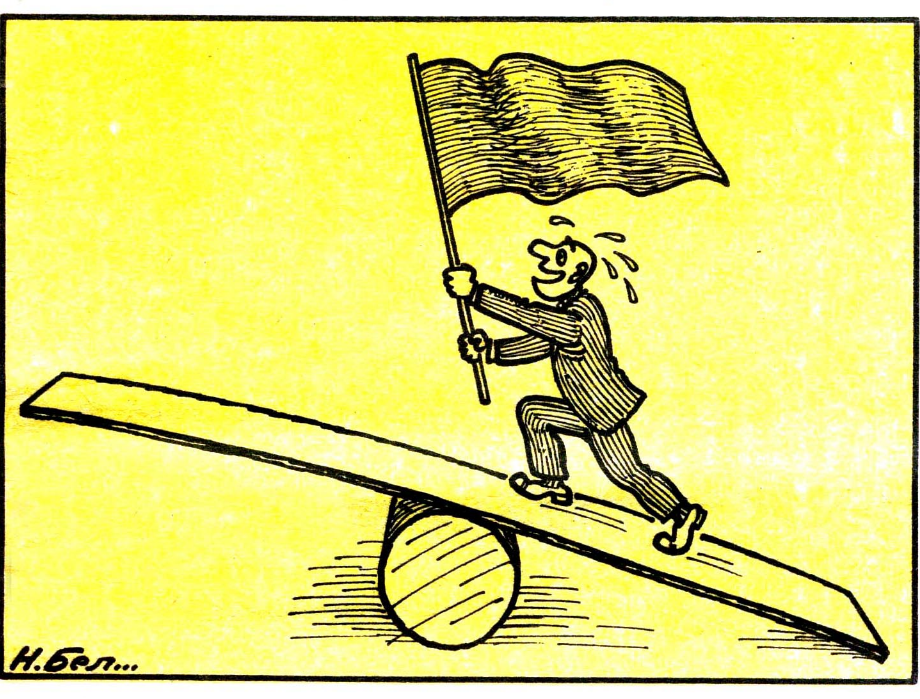
Теперь я готов ответить на этот вопрос. И просветил меня латвийский кооператив «Монта». Тиражом в 100 000 экземпляров этот кооператив выпустил разноцветные плакаты с крупными афишными заголовками — «Кроссворд 1», «Кроссворд 2», «Кроссворд 3»... На каждом таком плакате напечатано 6 (шесть) кроссвордов, и стоит он 50 (пятьдесят) копеек. То есть, другими словами, за каждый кроссворд нам предлагают заплатить по 8,33 копейки.

Откровенно говоря, не советуем покупать эти бумажные простыни. И не только потому, что они безбожно, я бы даже сказал, грабительски дороги. Разгадывая опубликованные здесь кроссворды, вы с грустью убедитесь, сколь несовершенны ваши познания в отечественной и мировой культуре. Вы, к примеру, наивно думали, что оперу «Аида» написал Джузеппе Верди, а написал ее, если верить одному из кроссвордов, Петр Ильич Чайковский. Вам и в голову не могло прийти, что Михаил Михайлович Зощенко — «русский советский поэт»... Всего пятьдесят копеек, а какие драгоценные сведения!

В конце своих рекламных, как они их называют, листов латышские кооператоры приглашают покупателей к обоюдовыгодному сотрудничеству, обращаясь с таким призывом: «Переборите инертность, не ленитесь и решайтесь!» На что именно надо решаться, я, правда, так и не понял, но инертность переборол. Во-первых, с грехом пополам разгадал безграмотные кроссворды, благо ответы опубликованы здесь же, а во-вторых, написал эту заметку, которую посылаю через «Крокодил» руководителям кооператива «Монта» по адресу: Латвийская ССР, г. Огре, ул. Личу, 18.

Николай ВАСИЛЬЕВ.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

Наталия РАДЬКО,
специальный корреспондент Крокодила

РОКОВОЕ ПИСЬМО

О судьбе моряка, который в застойный период отправил из города Новороссийска письмо академику Сахарову.

Читатель из Винницы, слесарь п/о «Терминал», «беспартийный коммунист» (так он сам себя называет) В. П. Пузанов поздравлял нас с Новым годом и просил помощи. Он писал, что пятнадцать лет назад был не слесарем, а моряком загранплавания Новороссийского пароходства с двадцатилетним стажем. В октябре 1974 года он написал письмо академику Сахарову с изложением морских проблем и просьбой принять участие в их решении. Суть проблем чуть ниже. Пока будем соблюдать хронологию. История умалчивает о том, получил ли адресат это письмо, но уже в начале 1975 года Виталий Павлович пулей летел из Новороссийска в Винницу — по месту жительства своей семьи, оставив в парткоме пароходства партийный билет, а в отделе кадров — заявление об увольнении с работы по собственному желанию. Он летел и благодарил судьбу за «собственное желание». С чем и поздравила его, встретив, жена, пролив горькие, но радостные слезы на тельняшку, которую Виталий Павлович даже не смог передать по наследству: у него росла дочь.

Повидалась я с Пузановым в Виннице, а затем села в самолет и оказалась в архиве Краснодарского крайкома партии, где четырнадцать лет хранится персональное дело исключенного из партии Пузанова. Все эти пожелтевшие бумажки были аккуратно подшиты в папочку и хранились в металлическом шкафу, именуемом сейфом.

Я их читала, кое-что переписала и сейчас начну пересказывать, надеясь, разумеется, что работники контрольно-ревизионной комиссии при Краснодарском крайкоме не пострадают оттого, что дали мне это дело спокойно, без нервной дрожи и тика, и даже оставили меня с ним наедине, причем рядом с телефоном, и не выражали опасения, что я начну зачитывать выдержки врагу.

Я не стала зачитывать. Не только потому, что это никому не нужно. Просто, когда в отдельных местах отчизны уровень идиотизма превышает среднемировой, хочется из соображений патриотизма это скрыть, даже в ущерб исторической правде.

Получив у Виталия Павловича в Виннице сохраненную им копию письма, написанного в том памятном году в трех экземплярах и отправленного, кроме опального тогда Сахарова, Л. И. Брежневу и предыдущему министру морского флота Т. Б. Гуженко, я пристально смотрела в спокойные глаза Пузанова. Как объяснит он факт, что в то время, когда Андрей Дмитриевич Сахаров вновь стал одним из самых уважаемых членов нашего общества, он, Пузанов, по-прежнему остается вне партии?

Что же за крамола содержалась в его письме (тираж — 3 экземпляра)? Чего хотел Пузанов осенью 1974 года? Многого хотел. Чтоб рядовым морякам повысили зарплату. Чтобы рассеяли на кораблях атмосферу страха и доносов. Еще он хотел, чтоб советским морякам разрешали ходить за границей по одному, что, конечно, даже сейчас звучит несерьезно: как же за этим одним следить — со спутника, что ли? Хотел он, чтобы больше прав было у профсоюза, который, на его взгляд, должен представлять и защищать интересы моряков. До полного криминала Пузанов договорился в конце своего письма, где пишет, что если требования моряков не будут удовлетворены внутренними силами страны, то ему придется обратиться в международные организации, защищающие права человека. Характерный для нашей жизни момент: весь мир при необходимости обращается в международные организации, которые для этого созданы, а мы такими обращениями друг друга пугаем — кто раньше в обморок упадет. Подпись под письмами такая: «Моряки Новороссийского пароходства». Неконкретно, анонимно, но Пузанов не покривил душой. Во-первых, он на самом деле был моряком Новороссийского пароходства, во-вторых, высказанные им проблемы на самом деле являются бедами советских моряков, о чем и говорилось уже не раз в печати.

Почему Пузанов не поставил свою подпись? Да все потому же: боялся. Все-таки несколько месяцев еще поплавал. Искали его полгода, не меньше. Нашли, как вы сами, вероятно, уже догадались, не для того, чтобы вручить прибавку к жалованью и разрешение гулять в одиночестве по заграничным портам. Нашли, и предстал он перед сотрудниками Новороссийского КГБ. Там ему сказали. Там ему объяснили, какую кропотливую работу надо проделать для того, чтобы чужое письмо оказалось перехваченным, прочитанным, а его анонимный автор — разоблаченным. Виталий Павлович — человек дисциплинированный и пунктуальный, ему было, мягко говоря, нехорошо, но время, потраченное на, как бы это выразиться, беседу с ним, он засек. Семь минут. После чего он написал по требованию хозяев учреждения что-то типа покаяния и отправился в партком Новороссийского пароходства, где его уже ждали. Он шел быстро, но бумага из КГБ его опередила. В парткоме смотрели на него не столько строго, сколько с ужасом. Здесь я свою эмоциональную оценку никому не навязываю, приведу лишь выдержки из документов, а там судите сами — страшно это или у Хичкока страшнее.

«Для служебного пользования
Экз. № 1

ЗДЕСЬ

В октябре 1974 года из г. Новороссийска в адрес академика Сахарова и другие центральные организации от имени моряков Новороссийского морского пароходства были направлены анонимные письма, в которых авторы допускают охаивание советских законов, порочат советскую действитель-

См. стр. 12.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

УСКОРЕНИЕ

Один поборник формализма стойкий
И в крючкотворстве —
совершенный дока
Вдруг обязательство взял:
перестройку
Закончить на два года раньше срока.

В. СЕМИЗАРОВ, инженер-электромеханик, г. Новосибирск.

ЗАКОН ЖИЗНИ

Пока летать родившийся —
Летает,
Рожденный ползать —
В кресло заползает!

П. АНОДИН, г. Таганрог.

— За перестройку!
Лес рук взлетает.
Начали стройку —
Рук не хватает.

А. ВЛАСОВ, инвалид Отечественной войны, ветеран труда, г. Павлово-на-Оке.

МЕЧТА ВЫПУСКНИЦЫ

Нет, меня подряд не вдохновляет,
С хозрасчетом мне не по пути.
Непрестанно об одном мечтаю:
Спонсора б хорошего найти!

А. АБРАМОВ, железнодорожник, г. Москва.

Видали ль вы таких людей,
Слыхали ль вы их громкий глас:
«Зачем мне плюрализм идей?
Давай мне плюрализм колбас!»

А. МЕЛЬНИК, строитель, г. Евпатория.

НЫНЕШНИЙ КОРОБЕЙНИК

Цены сам плодил немалые...
Не торгуйся, не скупись,
Покупай гвоздики алые
И на хлеб с водой садись.

И. САФОНОВ, техник, г. Брянск.

БРАКОНЬЕРУ

Ты лося в чаще завалил,
Потом на волка все свалил.
Лось не успел взять, видно, в толк,
Что перед ним — двуногий волк!

ХИРУРГУ

Судить тебя не буду строго —
Твоя работа хороша.
Одним лишь режешь без ножа —
Тем, что берешь уж очень много!

В. КУЗНЕЦОВ, г. Североуральск,

А ФУНКЦИИ?

В некоторых министерствах, где прошли массовые сокращения, вопросы обеспечения госзаказов материалами не решаются из-за отсутствия работников. Функции же у чиновников остались прежними.

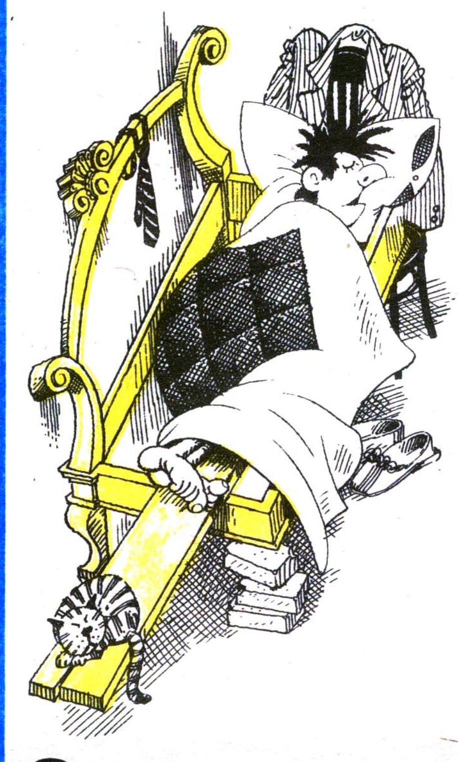
Дух витает стойкий браконьерства
После сокращений в МИНИстерствах.
Некому курировать сейчас
Даже самый срочный госзаказ.

М. САИТОВ, инженер, г. Свердловск.

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

ЧУДО, КОТОРОЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ,

или Истоки мебельных страданий

Объявление на столбе у станции метро было неожиданно веселым: «ПРОДАЕТСЯ ДИФЦИТ — МАТРАЦ-ТАХТА НА ДВОЙНЫХ ПРУЖИНАХ (а не на хлипком пара-лоне) МОЖНО НА НЕМ СПАТЬ ЕЩЕ ПЯТЬДЕСЯТ (50) ЛЕТ. ЦЕНА божецкая. Звонить по телефону...»

Согласитесь, не каждая наша мебельная фирма придумает такую убедительную рекламу. Особенно привлекали подробности насчет таинственных «двойных пружин» и возможности «спать на нем еще 50 лет». Правда, сочетание «дифцита» с «божецкой ценой» вызывало сомнение, и все же я позвонил. Не повезло: уникальный матрац уже продали. Но хозяин его, представившийся столяром-краснодеревщиком в прошлом, трубку не бросил и продолжал разговор. Он точно знал, что теперь двойных пружин нет. И вообще хорошей мебели нет. А какая есть? Да никакой.

— Вот вы узнайте,— басил он в трубку,— кто и как теперь делает мебель и из чего? Узнайте! А тогда поговорим...

Насчет «поговорим» я не был уверен, а вот узнать захотелось. В чем дело, куда исчезла мебель, которой совсем недавно были забиты мебельные магазины?

За ответом я отправился к отцам нашей мебельной промышленности в Минлеспром СССР.

— Вот, смотрите,— сказал мне замначальника технологического главка по производству мебели, фанеры и древесных плит А. Пушков и показал обширную, как диван-кровать, справку.

Справка потрясала не столько своим объемом, сколько количеством несостоявшихся надежд. Химики, например, не могут обеспечить мебельщиков лаками, красителями и прочим химдобром. Большую часть химикатов, без которых нынешняя мебель просто не мебель, а черт-те что, они могут выдать в пределах от трех до 50 процентов. То у них нет сырья, то мощностей не хватает.

Свою ложку дегтя в бочку мебельного «меда» добавило ведомство легкой промышленности. Минлегпром недодаст в нынешнем году обивочных тканей ровно на 145 тысяч диванов-кроватей и на 200 тысяч кресел.

Не менее «успешны» дела у станкостроителей, обязанных обеспечить мебельщиков техникой. Хорошо еще, когда вместо двух станков обещают дать один. На чем обрабатывать лесоматериалы для шкафов и стульев?

Между прочим, нашел я и причину уверенности продавца матраца-тахты в полном отсутствии «двойных пружин». У старика, видимо, своя агентура то ли в Минлеспроме, то ли в Минстанкопроме. Дело в том, что Азовский завод, выпускавший ранее автоматы для навивки двухконусных пружин, снял их с производства как устаревшие. А новых автоматов пока не создал. И запланированные два десятка машин остались на бумаге.

Продолжать этот ущербный перечень досадно и скучно. Но есть смысл задаться вопросом: почему творится такое? Кому и зачем нужны несбыточные планы? А может, они не такие уж и несбыточные? Может, дело вовсе в другом? Например, в ведомственной разобщенности или тормозном механизме? В желании заботиться только о собственных ведомственных интересах? В лености ума?

В кабинете начальника производственного главка Минхимпрома П. Соломко собрались ответственные работники отделов, и мы коллективно разобрали каждую «химическую» строчку справки. По их словам, все, что касается химических компонентов мебели, рождено чьим-то горячим желанием отличиться или буйной плановой фантазией: все показатели, мягко говоря, завышены.

— Но почему? Ради чего? Кому нужна липа?

— Нам неизвестно,— пожимали плечами химики,— видимо, часть материалов должна быть закуплена за рубежом на валюту. Только нас никто не поставил в известность, сколько, чего, где и когда. Спросите в Госснабе и Минлеспроме.

— А сами вы не можете спросить?

— Мы писали,— закручинились минхимпромовцы.— Мы заявляли, но они планировали не то, что нам надо.

— Но, возможно, у вас есть какие-то еще недовскрытые резервы? И что нужно делать, чтобы избежать несбалансированности?

— Видите ли, Минхимпром развивается медленнее, чем те, кому нужна наша продукция,— сказал начальник главка.— Дали бы нам возможность хоть малую часть продукции продавать за рубеж за валюту — мы бы обеспечили себя и сырьем и необходимыми мощностями, и все стало бы на свои места. А еще нужен орган, который бы стоял над ведомствами и учитывал все нюансы.

Нечто подобное я услышал и в Минстанкопроме, в кабинете генерального директора ПО «Древмаш» М. Чебуракова, где тоже собрались (в нерабочий день!) руководители объединения. Они дружно говорили то же, что и химики: про завышенные показатели, про нереальные планы и т. д. и т. п.

— У Минлеспрома есть валюта для покупки всего необходимого за рубежом,— говорил М. Чебураков.— Они и нам выделили немного, но оговорили, что именно купить. Совсем не то, что мы просили и что нам позарез необходимо...

Может быть, и впрямь нужен координирующий орган, который стоял бы над ведомствами и все учитывал? Позвольте, но это же Госплан СССР!

И я отправился в этот орган.

Замнач сводного отдела химико-лесного комплекса В. Татаринов с долей восторга сообщил:

— То, что намечено сделать с производством мебели, революционно по сути: мы должны за семь лет удвоить его! Правда,— тут Валентин Петрович слегка увял,— объемы действительно немного завышены. Это видно по справке. Не все смежники одинаково подошли к выполнению намеченного — у всех есть много затруднений. Мебельная промышленность пока идет по инерции, до предела используя свои мощности. Зато в дальнейшем...

— Свершится чудо?

— Должно! Хотя несбалансированность есть. По этому поводу я ничего не могу сказать: станкостроители и химики не в моем ведении...

Увы! Революционное мебельное чудо пока не состоялось. Два подразделения — леспромовцы и химики, пребывающие в одном сводном отделе Госплана,— не согласовали свои планы и возможности. А что же говорить о станкостроителях, которые действительно отделены от них и структурно и четырьмя этажами госплановского здания!

Впрочем, в рассказе В. Татаринова досады не чувствовалось. Даже наоборот.

— Вообще-то мы сейчас по мебели идем с некоторым превышением: каждый год на 6—7 процентов увеличивается выпуск ее.

В очередную высокую инстанцию я не пошел: вдоволь наслушался объяснений насчет разбалансированности показателей, необеспеченности выполнения планов и прочего.

А насчет перевыполнения планов все оказалось проще простого. Во-первых, их перевыполнение и удовлетворение спроса пока что явления несопоставимые. В прошлом году план выполнен на 100,8 процента, а только в РСФСР можно было бы продать мебели жаждущим ее еще на миллиард рублей!

Во-вторых, есть один пикантный нюанс. В объединении «Центромебель», например, в 1987 году сделали такой легкий финт: на каждое изделие немного повысили цену (чтобы не очень раздражать покупателей). И план, который исчисляется не в количестве столов и стульев, а в миллионах рублей, оказался перевыполненным. В прошлом, 1988 году такое перевыполнение продолжалось.

Вот только ни в Минлеспроме, ни в Госплане об этом нюансе ни слова, ни вздоха. Вздыхают и говорят плохие слова, и не только в их адрес, лишь жаждущие купить мебель.

ПЕРЕСТРОЙ-КА!

Л.И

И. ЛИТАСОВ, г. Кокчетав. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

— *Директор нужен?*

О. ТЕСЛЕР, М. ВАЙСБОРД (тема).

МАСТЕРСКАЯ

Он работает в строго реалистической манере. Поэтому никак не может закончить свою композицию „Очередь"!

Р. САМОЙЛОВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

РОТ ИЗОБИЛИЯ

О. ЭСТИС, М. ВАЙСБОРД (тема).

Матвей ГРИН

ТЕАТР ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Матвей Грин — старейший драматург советской эстрады. Многие годы его произведения исполняли А. Райкин, Л. Миров и М. Новицкий, Б. Брунов, Б. Бенцианов, по стране шло множество его эстрадных программ. Он автор трех книг по теории и практике эстрады.

Дважды М. Грин был незаконно репрессирован и долгие годы провел в сталинских лагерях. Находясь в печально известном Ивдельлаге на Северном Урале, М. Грин руководил там «театром за колючей проволокой». Так он и назвал свои воспоминания, которые сейчас готовятся к выходу в свет в издательстве СТД. Предлагаем вниманию читателей отрывок из будущей книги.

М. ГРИН, Ивдельлаг, 1951 г.
Рисунок лагерного художника Г. ХАБИБУЛИНА.

1 декабря 1934 года застало меня в Нальчике; я брал интервью у знаменитого в те годы первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии Бетала Калмыкова, трагически погибшего в годы сталинского террора... От него я и узнал об убийстве Кирова. Мог ли я думать тогда, что этот роковой выстрел изменит всю мою жизнь?

Мы, комсомольские журналисты, оказались первыми в той трагической очереди к вратам, за которыми гибель, забвение, небытие... 1 февраля арестовали группу журналистов: Третеского, Вахтина, Покадиловского, Вартанова, Брагина... А в ночь под Первое мая в Москве взяли и меня.

Лубянка, несколько чудовищных допросов, Бутырки, пересылка на Красной Пресне... С той поры прошло более полувека, но я и сейчас не могу понять: с какой целью нас, «подельщиков», собрали на три часа всех вместе (!) в одной камере пересылки. Я благодарен тому, кто так распорядился: мы встретились в последний раз в жизни! В это трудно поверить, но так было: встретившись, мы ни словом не обмолвились о нашей горестной судьбе (мы еще не знали приговора,— нам прочли его вечером того же дня), мы шутили, цитировали строчку из «Графа Нулина», лишь изменив фамилию героя, «смеялся Белкин — их сосед», фамилия нашего следователя была Белкин! Все подтрунивали надо мной: я женился 18 декабря 1934 года, между прочим, в день первого просмотра кинофильма «Чапаев», а через четыре месяца меня взяли. Между этими датами было еще три командировки. Вот все и шутили: узнаем ли мы друг друга с молодой женой? Свидание в Бутырках нам дали; я все 15 минут уговаривал ее забыть, не ждать, выходить замуж, ведь мы даже не успели зарегистрироваться!

Обливаясь слезами, она обещала ждать, приехать туда, где буду я... Все так и случилось: она ждала много лет, приезжала ко мне на край света — на Печору, но об этом я расскажу позже... В 1985 году мы справили «золотую свадьбу»...

Мало, очень мало знают люди о наших советских «декабристках», а им было так тяжело и было их так много!

После XX съезда в военной прокуратуре СССР мне показали наше дело.

Боже мой! Какая чудовищная фантазия была у тех, кто его придумал! В чем только нас ни обвиняли: в создании вражеской сети, якобы раскинутой нами в комсомольской прессе страны; во враждебной связи с американскими специалистами, которые работали в тридцатые годы в совхозах «Гигант» и Зерноград, и, наконец, в попытке (!) организации террористический акт против Сталина и его «боевых» соратников в Большом театре во время съезда колхозников-ударников, где мы — журналисты — были аккредитованы.

Итак, первый этап: в 1935 году поездом до Архангельска, пароходом до Нарьян-Мара, баржей и пешком — по Печоре до нового местожительства — деревни Покча, что в тридцати километрах от городка Троицко-Печерска.

Здесь был заложен лагерный город «Судострой». Имея печальную возможность сравнивать, хочу сказать, что тогда — до 37 года — в лагерях существовал еще некоторый либерализм: например, была у нас многотиражка «Новый Судострой», которую делали мы: писатель Николай Асанов, поэт Ярослав Смеляков и я. Мы жили в городе Троицко-Печерске (там была районная типография) вместе с нашим конвоиром в избе у одной старушки...

Театра в том лагере не было, была культбригада. Ее участники работали в «зоне» (неполный день), чтобы оставалось время для репетиций. В составе бригады было мало профессионалов: племянник мхатовского Массальского — молодой артист Коля Массальский (освободившись, он навсегда связал свою жизнь с Коми республикой, стал директором республиканской филармонии, заслуженным деятелем искусств), студент театрального института Митя Ванин — тоже родственник прекрасного артиста Ванина, была красавица — опереточная артистка Оля Кленская. Остальные же участники культбригады были просто любители из интеллигенции, главным образом ленинградской, отпрыски дворянских фамилий. После убийства Кирова их подчистую выслали из города на Неве. По всему лагерю тогда ходила эпиграмма Ярослава Смелякова, посвященная этому «высшему свету»...

Им высший свет был много ближе,
Знавали весь «бомонд» страны.
Мечтали жить под крышами Парижа,
Но вот живут у покчинской сосны.

Культбригада поставила один-единственный спектакль — «Чужой ребенок» В. Шкваркина, а остальное — это концерты, одноактные пьесы «на местные темы», которые писал Коля Асанов (позже у него шла пьеса «Алмазы» во МХАТе), я, а также «тянувшие» свой срок на Печоре знаменитый украинский сатирик Остап Вишня и львовский писатель Володя Гжицкий.

Даже там, в лагере, выпадали, правда, редко, радостные минуты. Лично у меня они длились... месяц! Ко мне на пароходе, на лодке, на лошадях за двадцать дней добралась из Москвы жена, с которой к моменту моего ареста, если вычесть три газетные командировки, мы прожили дней двадцать — двадцать пять...

Она приехала, имея разрешение на свидание на три дня, но мы уговорили нашего конвоира, который сказал так:

— Однако пусть живет, пока начальство не увидит! А как увидит, я ее знать не знаю!

Была и еще причина невозможности быстро отправить ее домой: начисто не было денег! Она же не представляла себе, каким будет ее долгий путь ко мне, и все скудные средства, что ассигновала на поездку, истратила еще до приезда в Троицко-Печерск.

Где взять денег? Это мучило нас весь месяц. У нас, ясное дело, не было ни гроша, получить откуда-нибудь по разным причинам не представлялось возможным и продать было нечего...

Понимаю, что кто-то из читателей скажет: плохая выдумка, но все случилось именно так, как я описываю; у жены была с собой одна облигация займа, и она выиграла! Были получены деньги в сберкассе, а тут как раз мы и нарвались на какое-то свирепое начальство, приезжавшее из лагеря в городок — в 24 часа жена была выдворена из Троицко-Печерска, конвоир отделался легким испугом, а меня отправили из редакции в «зону» — на «общие работы»...

* * *

Не хочу занимать внимание читателей обстоятельствами жизни в лагере — в мой первый арест, не буду описывать и десятилетие перед вторым, когда я уже было поверил, что все бури жизни меня миновали. Да и как было не поверить: я уже вернулся на газетную работу, заведовал отделом литературы и искусства «Грозненского рабочего», позже был избран председателем областного отделения ВТО, стал корреспондентом «Советского искусства» по Северному Кавказу, вел театроведческий факультатив в Грозненском пединституте, ездил на семинары театральных критиков в Москву, Ленинград, Нальчик, Ростов-на-Дону, много и охотно писал о театре, эстраде, цирке...

Война застала меня там же, в Грозном, и все годы я проработал в газете. И тогда, когда немец стоял в нескольких километрах от Грозного, и тогда, когда его погнали с нашей земли... Я получил три медали за работу в редакции во время войны, а однажды в газете «Литература и искусство» писатель Петр Андреевич Павленко написал обо мне:

«Те, кто пережил минувшую зиму в Грозном, навсегда сохранят в памяти эпические будни! Население города составило тогда гарнизон крепости, которая в случае необходимости встретила бы врага на своих улицах, превращенных в узлы сопротивления. Настроение было спокойно-суровое, и уверенность в своих силах проглядывала решительно во всем. Это сказывалось и в литературе... Молодой драматург и фельетонист Грин, то в содружестве с другими литераторами, то, чаще, один выступал с небольшими пьесками и инсценировками. Как ни расценивать качество этих произведений, создаваемых почти мгновенно, в расчете на нужды одного-двух-трех дней, придется признать, что их влияние было тогда велико, их роль была чрезвычайно значительна, а качество измерялось в те дни главным образом своевременностью и остротой лозунга, призыва».

— Похоже, наш дед окончательно поверил в перестройку...

И. НОВИКОВ.

Да, мы тогда создали боевой, агитационный, злободневный театр миниатюр, в котором, между прочим, играл свои первые роли Сергей Бондарчук, танцевал никому тогда неизвестный, кроме родных, не одобрявших это занятие «не для мужчины», Махмуд Эсамбаев...

Это было трудное, но великое время — время Великой Отечественной войны, мы чувствовали по настроению зрительного зала, что и наши «снаряды» бьют по врагу... А потом была Победа, была мирная жизнь, семейное счастье...

И все это кончилось в двенадцать часов дня 22 июня 1949 года на станции Беслан, когда проводница, зайдя в купе (как космополита меня уже выгнали из редакции, и я с женой и маленьким сыном ехал в Тюмень на самую низовую работу в газете), сказала:

— Там вас спрашивают!

Как был — в летних брюках, открытой рубашке и тапочках — я вышел на перрон и был окружен четырьмя (!) сотрудниками органов и на поджидавшей машине увезен обратно в Грозный. Тринадцать месяцев в одиночке — без книг, газет, журналов, допросы день и ночь по два-три раза, а иногда по месяцу — без вызова. Обвинения? Во-первых, «рецидивист, постоянно борющийся с Советской властью», во-вторых, «южный форпост космополитов на Кавказе»: я проводил в Грозном конференцию театров Северного Кавказа с участием Л. Малюгина, Л. Борового, А. Гурвича, бывал у Ю. Юзовского...

Через каких-то влиятельных знакомых отец — прекрасный петербургский портной, обшивавший все грозненское начальство, узнал о дате отправки меня в лагерь, и в летний день 50-го года, когда меня вели по перрону грозненского вокзала, я увидел прижавшихся к какой-то станционной будке отца и мать. Они сквозь слезы смотрели, как их единственного сына (старший погиб на фронте под Ленинградом) ОПЯТЬ увозят в лагеря! Я помахал им рукой, что-то крикнул, но конвоир рванул собаку за поводок, она залаяла, и ответа своих бедных стариков я не услышал...

Этап через всю Россию, по пути пересылки в каждом большом городе: то я еду один в купе «столыпинского вагона», то в купе, где должно помещаться четверо, едут 12 (!) человек. Если один, то можно бы и поспать, но сон не идет: я же второй раз и все знаю, чтó и кáк будет... там... в лагере.

Где-то, кажется, под Астраханью, ночью к решетке моего купе подошел солдат-конвоир:

— Батя! Я в восьмом классе... заочно... нам тут на лето сочинение задали о товарище Маяковском. Что-то у меня не идет, помоги, батя, а!

И всю ночь я диктовал своему конвоиру сочинение о «лучшем, талантливейшем поэте нашей эпохи» Владимире Маяковском! Мы закончили на рассвете, и, принеся мне краюху хлеба и кружку воды, солдатик сказал:

— Второй год в конвое вашего брата политических вожу. Люди-то все больше хорошие! Как это понять? Мне тут в одном этапе — в Тайшет, какой-то профессор, сказал: «Ты, парень, не задумывайся над этим, а то быстро переберешься из коридора к нам».

В благодарность за помощь с сочинением он посмотрел мой сопроводительный пакет и сказал, что везут меня в Ивдельлаг, на Северный Урал.

— А что за лагерь? — спросил я.

— Эх, батя, из плохих — похуже! Лесоповал! Закон — тайга, медведь — прокурор! Ну, дай тебе бог не сразу... загнуться! Может, и поживешь еще!

* * *

Стр. 8. ▶

Вадим ПОЛУЯН

ДЯДЯ МИША

Памяти М. ЧУЖАНОВА

Человек без отчества.
Звали дядей Мишей.
Как же мне оживить его хочется
с «козьей ножкой», махрою дымившей!
Как он выглядел, другом проданный?
Гололобо. Усато.
Растопорщился ватник продранный.
Расцвела заплатка у зада.
Сберегла б ты, судьба-ворожейка,
и теперь не жалела
руки тульского оружейника,
мозг русского инженера!
Что сболтнул он в начале войны?
«Наша армия не экипирована...»
До чего ж сквозь решетку вольны
люди и огоньки перрона!
До чего ж тяжело — в пустоту
с бесполезной слезой на скуле!..
Ты растопишь слезой мерзлоту,
чтоб поставить Норильск на скале...
...Все прошло.
Одуревшую душу прожгло
шомполами уколов и пункций.
Нервы скручены, как баранки.
И в Особом лагерном пункте
я делю с дядей Мишей
вагонные нары в бараке.
Наш вагон на пути тупиковом
для постылой стоянки прикован.
Мы на холод и голод не сердимся,
научились в рванье одеваться.
Старику шестьдесят, словно семьдесят.
Мне пока что шестнадцать, как двадцать.
А душой он, как я, тоже мал,
тянет рук искалеченных плети:
«Слышишь, их сам Серго пожимал!
Но тогда были пальцы в комплекте».
Он твердит, на прошлом помешанный:
«цех», «завод», «кабинет», «подчиненные»...
Эх, сиди да баланду помешивай!
Рвется память, стократно чиненная.
Где же мысль в мозгу, сила в бицепсе,
все, с чем шел за Совет, за «коммунию»?
Рьяно ржут все бандиты, убийцы все,
превратив человека в мумию.
Слишком редко бывает он светел и ясен,—
вдруг заметит, что суп очень жидкий,
вспомнит поле, родительский ясень
и мужицкую жизнь в общежитке.
А когда позовут
устранить неисправность в котельную,
он отыщет очки
в немудрящих своих закромах,
деловито заправит в штаны
гимнастерку нательную
и докажет, что в старческой памяти
жив сопромат.
Возвратится,
и снова в барачном чаду вижу я:
дядя Миша живет, не живя,
и жует, не жуя.
Человек уничтожен.
Вздохни: ну и что же?
Сам-то телом здоров, а душою недужен.
Чем поможешь сраженным и гибнущим душам?
Лагеря к этой гибели нас приучают,
как войны...
«Встать! —
орет на пороге барака конвойный.—
Эй, старик, слезавай с подоконника,
изготовься, как птица, в полет:
у начальника, у полковника
радиола никак не поет».
А к полковнику топай да топай по городу,
по слякоти, по сугробам, по льду.
Дядя Миша ответил: «В такую погоду
пешком не пойду».
Даже старый пахан
в закутке на перине заахал.
А конвойный напомнил:
«Штрафной изолятор не сахар!»
Игруны-драчуны
затаились на нарах, как мыши.
Величаво звучали в бараке
шаги дяди Миши.
Он был рад, он был горд,
что лицо у конвойного злое.
«Ты... да кто ты такой,
что начальнику ставишь условья?»
Взбунтовавшийся раб
в первый раз отказался от дела
и, решив, что погибшей душе
полагалось погибшее тело,
шел в нетопленный ШИЗО
«отдохнуть минут шестьсот»...
А ударил колокол на ужин,
слышу: дядя Миша обнаружен!
Не покорный ни угрозам, ни нажиму,
ставил ногу он в полковничью машину.
Он в сиденье развалился, словно в кресле.
Человек воскрес!
И мы воскресли.
Признавайте в нас без околичностей
не рабов, не крепостных, а личностей!
Униженьями избиты, как плетьми,
поднялись мы, исцелились, выжили
и из преисподней к людям вышли
не червями, не чертями, а людьми.

Верю я, что в бурю встречу заново,
словно лодку в штормовой волне,
вот такого мастера Чужанова,
гордость смастерившего во мне.

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

Памяти Н. А. КОРТЕЦ-КОРИНСКОГО

Народный артист и вдруг — инородное тело.
Вот тема!
Как вам жилось, Николай Александрович?
Пили коньяк, кушали сандвич,
играли вождей, королей и раскольниковых,
ни было сколько бы их...
Театр трепетал от хлопков поголовных.
А вы, рассыпаясь в изящных поклонах
регалии роз из охапок роняли,
а после
на даче,
на белом, как лебедь, рояле
творили тоску...
Но слишком согбенно,
как будто у вас язва ног,
подчас приходилось плестись
на занудный звонок,
замок отпирать не тузу,
но все же тузку...
Он крался походкой спрутьей,
поскрипывая ременной сбруей,
по-дружески соринку стряхивая с лацкана,
пытая вежливо, допрашивая ласково:
«А не уступите ли дачку дорогую?»
Вы, сжившись с красотой и с лепотой,
эдиповой его сердили слепотой:
«Нет, нажитым уютом не торгую!»
Шутя шел в гору гость ваш постоянный.
Смех плотоядный
в нем кукарекал оглушительней,
чем в кочете.
Он упреждающе пообещал: «Как хочете».
И вот проникла в черный каземат
записка беленькая, как зима,
что в вашем он живет сейчас Версале...
А вас из ада в ад сверзали и сверзали.
Вы — без свидания, без передачи,
а он павлинится в зеленых перьях дачи.
Вы — на морозах от семи и до семи
без переписки, без семьи,
на вас одежда рванней рвани,
а он — в нирване!
По праву сильного вам задали задачу:
всю остающуюся жизнь — за дачу!
Не обменяли...
Теперь не ведаете, в чем вас обвиняли.
Безумие!
В желудке — язва, а во рту — беззубие...
Вы овладели прикладным искусством
на Монмартре,
где вам не «встать» кричали, а «бонжур»,
чтоб загнанному быть к ядреной матери,
чтоб клеить,
рисовать
за абажуром
абажур,
которым поживится гражданин начальник...
Вы эксплуатируете дикцию, молчальник.
Вы демонстрируете пластику,
распластанный.
Ну что поделать с ярлыком, раз пластырный?
«Шпион»!.. Пятьдесят восемь... Десять...
В Москве не московать,
в Одессе не одессить,
зато уж в Канске, в клубе для чинов,
творя из флегмы живчиков,
говорунов из молчунов,
вы в «Бесприданнице»,
в «Старинном водевиле»
неудивляющихся удивили.
К сортиру странствуете скользкими мостками
вы — доколесной эры пешеход...
А солнце красит мир
оптимистичными мазками...
А от червонца остается рублик,
то бишь год...
Вот в этом-то году,
на этих-то мостках
нас свел режим, всегда и всюду правый,
меня, мальчишку с муравой в мозгах,
и вас, чья голова возвысилась дубравой...
Вы кончили на дне,
я начинал со дна.
Мы в спорах забывали эту разность.
Беда соединила нас одна...
Одна разъединила радость:
мне вышел срок,
и вам остался год...
Но что-то странное случилось хмурым утром:
кем вы затолканы в этапный бритый скот,
каким приказом дальновидно-мудрым?
Близка свобода!
Так зачем в Норильск?
На риск?
Где долгосрочные короткосрочно дохнут?
У сильных право — это старый догмат.
И десять лет спустя
им не предъявишь иск.
Проклокотал на даче красный кочет:
«Освобождать виновного не след!
Во глубину его, чтоб стерся след,
в такую, что и в год прикончит!..»
Отторгнут человек от человека.
Но в памяти и через четверть века
оттиснут утра давнего эстамп:
свободный одиночка и этап...
Спят дали в солнечном одеколоне...
Один я в пустоте,
а вы одни в колонне...
Нам только до себя, нам не до толп...
Я к жизни, а вы к смерти топ да топ...
Вас нет. А я пишу о вас потомку.
Во мне порой живете вы подолгу,
уча приобретений не искать.
Любое зло любую жизнь изгадь —
моя доцепенеет, не изгадясь,
лишенная приманчивых искательств.
Лицом все каменней,
а голосом все камерней,
держу желания в строгорежимной камере.
В деснице жадность, как в слепом магните:
приобрети вещичку да и гладь...
Николай Александрович,
помогите
не бесталанно драму доиграть!

Со стр. 7.

В первый день, после бани, я пошел по лагерю в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых или что-нибудь узнать о месте моего пребывания. Подошел к санчасти, и тут меня заметил старичок врач В. М. Штерн. Он уже отсидел свое и теперь работал здесь по вольному найму. (Хорош «вольный», если он не имел права уехать!) Штерн жил за зоной с дочкой — провизором лагерной аптеки.

— Вы с нового этапа?

— Да.

— А специальность?

— Журналист.

— Журналист? Тогда пойдемте в санчасть.

И там, в санчасти, старый доктор рассказал мне свою нехитрую историю: он был врачом на шахтах в Донбассе, когда начался процесс «Промпартии». Сначала Штерн был вызван в качестве свидетеля: многие из подследственных у него лечились, а другие были партнерами по преферансу. От врача требовали подтверждения якобы известной ему шпионской деятельности главного инженера треста, начальника шахты, маркшейдера.

Старик ужаснулся, говорил, что это «люди-идеал», «гросспатриоты», это «сама честь». Он отказался дать нужные органам показания, а когда следователь применил рукоприкладство, старый доктор запустил в него тяжелым чернильным прибором, ну и, конечно, загремел на десять лет в лагеря. Жена с горя умерла, дочка скиталась по знакомым. Отсидев, он уже собирался ехать к дочке, но грянула война, и доктор как немец остался за решеткой, а году в 48-м вышел на поселение и работал в медсанчасти лагеря — на пересылке. Дочка приехала к нему.

Она очень интересовалась литературой, театром, хотя никогда не видела ни одного живого писателя, ни одного спектакля.

— Вы знаете, я ездила с папой в Ивдель и была в клубе Дзержинского на концерте заключенных. Самого Головина слушала!

— Он, что, здесь? Головин из Большого?

— Здесь! И композитор из джаза Варламов здесь. У нас же — лагерный театр! Вы не знали?

Я не знал! Я тотчас же написал весточку о себе в театр, но как письмо отослать? Переписка между заключенными и между лагпунктами была категорически запрещена. Три месяца я таскал с собой письмо, в котором извещал театр о своем прибытии в лагерь и просил помочь мне попасть к ним, ну, хотя бы завлитом, если там есть такая должность!

Как-то я сидел в санчасти, читал принесенный докторской дочкой только что вышедший роман Александра Фадеева «Молодая гвардия». Вдруг с шумом распахнулась дверь, и на пороге появилась здоровенная деваха в телогрейке, ватных штанах и с кнутом в руке.

— Здоро́во! Очкарик! А где помощник смерти? Ну, доктор где? Скоро придет? Что читаешь? Про любовь? Слушай, а есть у вас таблетки, ну, от этого самого... ну, чтоб удовольствие поиметь, но без последствий? Не знаешь? Я кто? Дочь собственных родителей! Тяну второй срок, соучастие в убийстве с грабежом. Сейчас бригадир конного обоза. Где живу? В Ивделе — на центральном лагпункте! Что, ксиву передать? Знаешь, что за это бывает? Я ж только что расконвоирована... А кому ксива? Кому? В театр? Бате Головину? Господи, да он же у нас «в законе»... Говорят, его сам Сталин слушал, а потом что-то «не в цвет» вышло, его и шуганули сюда. Ништяк! Ты не тушуйся, передам, как в аптеке будет. Может, когда и встренемся, как в театре будешь?! Ох, там парень один есть — Ваня Стрельцов! Ну, скажи он мне: Любка, подожги вахту, выйди голая на развод — все бы сделала! Только у него таких, как я, навалом! Ну, пошла я! Ты жди — все в «ажуре» будет! Мы и не такие номерки откалывали!

И она сдержала слово — «отколола номерок»: через месяц за мной прибыл конвой из театра.

* * *

Ясным морозным днем наши сани подъехали к вахте центрального лагпункта Ивделя. Конвоир отправился с моим пакетом на вахту, а в это время открылись ворота, и строем — по четыре — стали выходить мужчины и женщины. Кто с музыкальными инструментами под мышкой, кто с какими-то свертками... Я сразу же узнал Дмитрия Даниловича Головина, да и как было не узнать его колоритную импозантную фигуру, даже в тех диких условиях не потерявшую своего «шарма». Узнал я и Александра Владимировича Варламова. Сколько раз я видел его на сцене летнего театра «Эрмитаж»! Он дирижировал, его джаз играл, а певица из США, Целестина Коол, пела... Может, это и довело его до Ивделя?! Мелькнули еще какие-то знакомые лица. Я попытался подойти поближе, представиться, но конвой отогнал. И все-таки даже там Головин оставался Головиным; ему разрешили выйти из строя, и он успел сказать мне, что дневальные все знают — поставят на довольствие. Театр едет на «малые» гастроли, месяца на полтора, а я должен за это время продумать программу нового концерта, начальник КВО (культурно-воспитательного отдела) капитан Родионов меня, наверное, вызовет.

Разместившись на двух грузовиках, театр уехал, а я, войдя в зону, нашел двухэтажный барак, где размещались артисты театра и его костюмерная (только в театре, по производственной необходимости, мужчины и женщины жили вместе, во всех остальных лагерях они жили отдельно). Я вошел в барак и увидел двух довольно пожилых дневальных, старательно убиравших мусор, оставшийся после уехавшей «на гастроли» лагерной труппы.

— Ну, что, отцы, теперь отдыхать будем? — нарочито весело сказал я.

— Наш отдых на том лагпункте,— сказал один и показал вверх, на небо.

— А ля гэрр, ком а ля гэрр,— сказал второй и добавил: — С благополучным прибытием в сей храм слез и смеха! Вы давно с воли? С лета 49-го, ну, свеженький, будет о чем поговорить! Располагайтесь! Ваше место вот тут, между Головиным и Хмелевичем,— это второй дирижер московской оперетты. Он и здесь второй, после Варламова! Сейчас мы на вас дощечку заполним, а то вечером придут с поверкой и удивятся: кто это к нам с воли забежал?

Я сходил в больницу, познакомился с ее главврачом Тороповым и его милейшей женой Еленой Михайловной. Она была отправлена в ссылку как жена «врага народа». Какими-то неимоверными усилиями она добилась перевода в те места, где сидел муж. Целый день они были вместе, а на ночь она уходила за зону, а он оставался в больничном бараке. Утром она прибегала к нему, как только открывалась вахта.

Все, кто был в те годы в Ивдельлаге, никогда не забудут эту женщину: скольким людям она помогла! Я не знаю, была ли она верующей, но на пасху она пекла куличи, булки, пряники, все это приносила в зону и раздавала «зекам»! Старая традиция русских интеллигентов — помогать обездоленным, калекам, несчастным...

Если выдавалась свободная минутка, она приходила к нам в театральный барак, чтобы поговорить по-французски с Головиным, вспомнить Париж, Ниццу, Марсель, где они оба, правда, в разное время, бывали; если с лагпункта Сама в Ивдель приезжал тамошний доктор, бывший доверенный врач Коминтерна, лечивший Тельмана, Чан Кай-Ши, Бела Куна, то они вспоминали Берлин, Женеву, Прагу, и все это — на немецком...

Окончание следует.

Николай КРИВЕНКО

«МИСС ЭСТРАДА» ИЗ «ВТОРСЫРЬЯ»

Реклама конкурса красоты «Мисс эстрада-89» в театре на Берсеньевской набережной была составлена с явным намерением не только заинтересовать, но и позабавить зрителей, заранее настроить их на веселую волну. Его организаторы обещали эксцентрическое эстрадное представление с участием «претенденток на мисс» и тех, кто «женскую красоту вдохновляют». По принципу «абы посмешней» были подобраны и мифические спонсоры этого необычного соревнования — «вторсырье», «недосуг», «гидроводопереброс». Попутно сообщалось, что костюмы выполнены кооперативом «Сделай сам — сам и носи» и что «главный консультант по красоте — режиссер-постановщик народный артист РСФСР Борис Брунов».

Москвичи охотно приняли предложенную им «игру в конкурс»: все пять спектаклей прошли с аншлагом. В какой-то мере это объяснялось, вероятно, тем, что оригинальная премьера — редкая гостья на сцене столичного Театра эстрады, который, как известно, давно уже перестал быть театром и превратился в обычную прокатную площадку. Привлекло и участие в спектакле популярного ныне эстрадного дуэта — Вероники Маврикиевны (В. Тонков) и конферансье Г. Гриневича.

Взяв в свои руки бразды правления, Гарри Гриневич и Вадим Тонков делали, на мой взгляд, все возможное, чтобы привнести в программу конкурсную тему. Они торжественно возводили зрителей в ранг членов жюри, придирчиво — в сантиметрах! — уточняли «международные стандарты», которым должна соответствовать будущая мисс, и отделения концерта называли не отделениями, а турами. В перерывах между номерами конферансье вел переговоры со «спонсорами», отбивал атаки энергичной директорши кооперативного кафе, которая вознамерилась занять первое место, чтобы «короной разгонять рэкетиров».

Но странное дело: чем больше говорилось в спектакле о конкурсе, тем очевиднее становилась сценарно-режиссерская несостоятельность всей этой громоздкой, н...пех поставленной программы. Вместо обещанного тематического представления (заявка на конкурс обязывала к этому) зрителям предложили рядовой сборный концерт, никак не связанный с основной темой спектакля. Публика тепло принимала интермедии Гриневича и Тонкова, были другие интересные выступления, как, скажем, музыкальные пародии Александра Пескова и акробатический этюд Ольги и Александра Куликовых, но не было даже попыток протянуть незримые «ниточки», которые соединили бы разножанровые номера в единое целое. Разговоры о «претендентках на мисс» шли в основном на авансцене, нередко при закрытом занавесе, а когда занавес поднимался — о конкурсе попросту забывали, никакой «конкурсной борьбы», разумеется, по-эстрадному условной, с заранее предрешенным результатом, не было и в помине.

Без выдумки, по раз и навсегда заведенным стандартам было построено и оформление спектакля. Утомительно мигали разноцветные софиты, нескончаемо бежали «световые дорожки», и клубы дыма неизвестно зачем то и дело выползали из-за кулис (такие дымовые завесы кочуют сегодня из одного концерта в другой). Премьера «Мисс эстрада-89» пополнила и без того внушительный перечень помпезных и, в сущности, безликих эстрадных представлений, где скудность режиссерско-оформительского решения закамуфлирована расхожими световыми и пиротехническими эффектами, где тема спектакля только заявлена, но никак не раскрыта. Неумение изобретательно придумать и поставить тематическое представление — давняя беда многих наших эстрадных сценаристов и режиссеров, которые, как правило, не дают себе труда «сюжетно» выстроить концертную программу.

Не знаю, как других зрителей, но меня прямо-таки ошарашили «тексты», прозвучавшие по ходу спектакля (авторы интермедий А. Левин и Г. Териков, а «конкурс придумали», как сказано в программке, О. Назаров и В. Тонков). Воздержусь от каких-либо комментариев — просто процитирую то, что услышал, дважды побывав на премьере столичного Театра эстрады.

Когда возник, к примеру, вопрос — почему среди устроителей конкурса значится «вторсырье»,— представительница «спонсора» охотно разъяснила: потому, что «по количеству утильсырья наша страна занимает первое место в мире, и 90 процентов всей продукции, которую мы выпускаем (именно 90 — ни больше ни меньше! — **Н. К.**), надо сразу же сдавать в утиль». А при чем здесь «гидроводопереброс»? При том, оказывается, что «мы ведем сейчас переговоры с Америкой о переброске «ихней» Амазонки в «нашу Кляузу» (Кляуза, как популярно растолковали зрителям,— это «новая река, которая появится на карте после слияния Клязьмы и Яузы»). Когда же на вопрос конферансье, кого современные женщины считают идеальным мужем, — последовал ответ: «слепоглухонемого (!) капитана дальнего плавания», стало совершенно очевидным, что дальше уже ехать некуда, что эстрадные драматурги, причастные к созданию этого спектакля, работали на пределе своих скромных смехотворческих возможностей.

И подумалось: а может быть, не так уж бездумно и случайно были подобраны спонсоры этого спектакля? Ведь именно слово «вторсырье» наиболее точно определяет, на мой взгляд, многое из того, что услышали и увидели зрители в дни премьеры московского Театра эстрады.

ТАЮЩИЙ ЗАМОК

Муляж вместо шедевра архитектуры

В России ждали приезда приора Мальтийского ордена. Павел I, спешно готовясь к встрече, заказал постройку замка в разлюбезной своей Гатчине одному из самых известных русских архитекторов — Н. А. Львову. Строить надо было быстро, дешево и красиво. Ну и, само собой, оригинально, удобно, гигиенично...

Львов не потребовал почти никаких стройматериалов. И вскоре в ландшафт гатчинских парков на берегу загадочного Черного озера почти незаметно вписался странный, игрушечно-легкий, неповторимый замок. Построен он был... из земли. Большие земляные кирпичи скреплялись слоем обычной извести. Это была уникальная техника землебита, уникальная даже по тем временам далекого XVIII века. Ко всему прочему есть у землебита особенность: вода для него — это смерть. А Приоратский замок построен был на воде! Тайна замка долгие годы будоражила просвещенные умы архитекторов и искусствоведов. Сейчас это единственная уцелевшая землебитная постройка XVIII века. Творчество архитектора Львова по-прежнему во многом остается загадкой.

Замок благополучно пережил бури трех революций, пережил и Великую Отечественную, выстоял под взрывной волной упавшей к его стенам бомбы. В 1964 году он, наконец, привлек к себе внимание реставраторов. Но только в 1980 году Ленинградская областная реставрационная мастерская вплотную приступила к проектированию и закончила проект к 1982 году. Авторский коллектив во главе с инженером И. Любаровой высказался за полную и тщательную реставрацию. Кому тогда могло прийти в голову, что это первый шаг к гибели гатчинского сокровища! Руководство реставрационных мастерских, возглавляемое тов. Устиновым Е. В., сильно огорчилось, ознакомившись с объемом работ. Многообразие их сразило ответственных товарищей наповал. Началась обработка авторского коллектива и незатейливые разъяснения, по сути, сводящиеся к традиционной сентенции: много хочешь — мало получишь. Но не поддался на увещевания очарованный странным замком коллектив и был за это наказан. Легкие придирки окончились полным отстранением коллектива от работ на объекте, а проект опальных реставраторов просто... пущен по ветру, то есть элементарно потерян: к настоящему времени не существует ни одного полного экземпляра разработок. В то же время банально плюнуть на памятник архитектуры было неудобно — внимание к нему росло. Надо было создать видимость активной деятельности, хоть бы и без проекта. И — начались работы. О результатах их мы скажем чуть позже.

А тем временем начались и утраты, развалилась крыша одной из стен ограды замка. Последствия были потрясающими: раскрытая землебитная стена под дождями просто... растаяла, исчезла с лица гатчинской земли. После этого и сформировалась совместная идея реставраторов и дирекции Гатчинских парков — заменить весь землебит на кирпич, а деревянные перекрытия — на бетон. «Чем не Приорат? — рассудили заказчики и исполнители.— Конечно, получится в некотором роде муляж, но силуэт-то останется прежним!» И гатчинцы заказали новый проект...

На сей раз исполнителем стала вовсе не специализированная организация — ЛЕНЗНИИЭП. В 1988 году появился на свет «Проект консервации Приоратского дворца», по которому уже к 1990 году здание должно быть отремонтировано и даже готово принять экскурсантов. Причем отремонтировано... в полном согласии с пожеланиями заказчика, то есть прямо подведено к превращению в тот самый муляж, в «кажущуюся видимость». Правда, при чем здесь тогда «консервация», то есть бережное сохранение?

Вот этот вопрос, очевидно, проектировщикам в голову не пришел. Очевидно, им пришел в голову просто доходчивый пример для подражания. В Ленинграде, например, давным-давно лихо потрошат исторические здания, меняя «начинку», выбрасывая дорогую «столярку», фурнитуру, уникальные лестницы и камины, сбивая лепку. Правда, если в Северной Пальмире так поступают с постройками XIX века, то здесь — Приорат XVIII века, уникальный, поскольку единственный!

Сигналы о начавшемся потрошении поступили в Москву в декабре 1988 года, и по поручению Научно-методического совета Министерства культуры СССР, я в составе комиссии отправился проверять факты на месте. Приехали. Дверь открыла Л. С. Антипина, представитель дирекции Гатчинского дворца-музея и парка (ГДМиП), отвечающая за работы по Приорату.

Замок был пуст! Я много раз бывал в нем, любовался интерьерами, деревянными кессонированными потолками с их необыкновенной окраской, обилием разнообразных украшений... Ничего этого не было и в помине! Полы разобраны, перекрытия спилены бензопилой по всему периметру и выброшены. Сгоряча реставраторы уничтожили даже два года назад отреставрированные потолки одного из помещений замка — Капеллы! Столь решительные действия привели к прямо-таки сокрушительным результатам: землебитные стены потеряли устойчивость, так как кессонированные потолки были связаны с ними, придавая зданию необходимую жесткость.

— Эк незадача! — подосадовали «энтузиасты» и, недолго думая, принялись укреплять стены деревянными щитами и стальными швеллерами, пробивши при этом множество больших и малых отверстий, то есть изрешетив Приорат «в мирных целях». Вплотную встал вопрос (сами понимаете, насколько долгожданный!) о замене землебита на кирпич.

В Ленинграде собралось экстренное совещание специалистов под председательством известного реставратора, лауреата Ленинской премии А. А. Кедринского. Были инженеры по конструкциям, специалисты по укреплению материалов, искусствоведы. Были и авторы проектов — реставрации (И. Любарова) и «консервации» (Ю. Никифоров). Кстати, во время дебатов тов. Никифоров неоднократно подчеркивал, что сам он «не владеет реставрационной терминологией». Не один час длилось совещание, и все выступавшие сошлись во мнении, что произошло варварство, подлежащее суровому наказанию. Решено было приостановить ведущиеся работы, сохранить все уцелевшие детали внутреннего убранства, укрепить структуру землебита, а также предложить дирекции Гатчинского дворца-музея и парка назначить нового руководителя взамен тов. Антипиной, проявившей столь разрушительный интерес к памятнику архитектуры. Осталась неназванной только фамилия основного виновника — директора треста «Ленобл-реставрация» тов. Устинова Е. В.

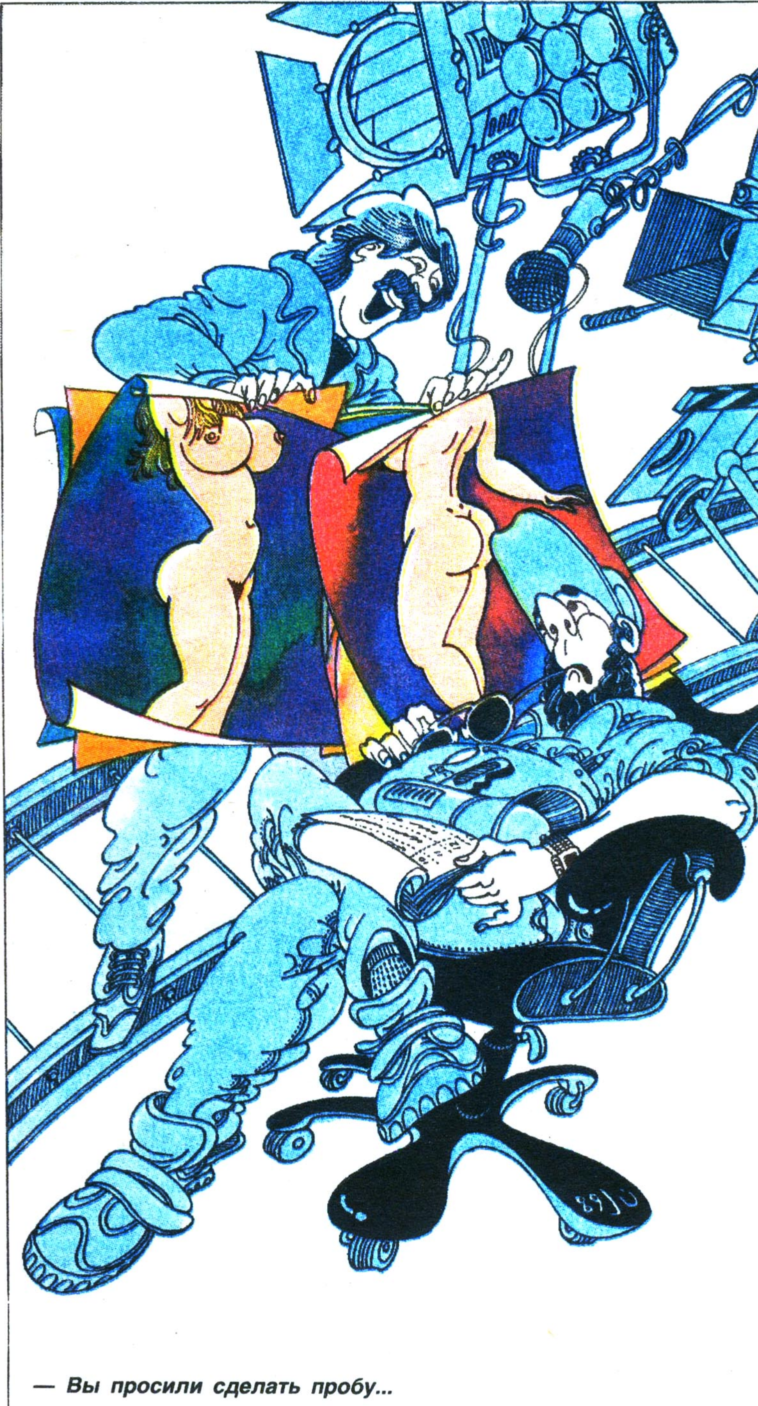
Изменилось ли все как по мановению если не волшебной палочки, то по крайней мере руководящей длани? Ничуть не бывало. Нет, не кинулись в тот же час сотни привлеченных специалистов поддерживать старые стены. Нет, не кипит работа по срочному восстановлению здания. Очевидно, еще какие-то указания нужны. А то и новый проект... По-прежнему благополучно руководит надзором за замком неутомимая Антипина. И к загадкам замка прибавляются все новые: почему же, черт возьми, стоит он до сих пор? На чем держится? Неужто на честном слове все того же тов. Устинова?

А что же сами гатчинцы, подлинные хозяева своих памятников? Увы, ни жители города, ни балансодержатели (ГДМиП) отнюдь не беспокоятся. Несколько лет назад сгорело здание птичника, в прошлом году сломан каменный мост... Автор обоих памятников — архитектор А. Д. Захаров, создатель Адмиралтейства. И никто из должностных лиц за это не пострадал!

Кровожадный вопрос хочется мне задать напоследок, невзирая на всю нелюбовь к репрессивным методам. А что, заинтересуются ли прокуратуры Гатчины и Ленинграда совершающимся варварством? И приступят ли — хотя бы под угрозой санкций — уполномоченные на то лица к непосредственному спасению шедевра?

Борис УДАЛЬЦОВ,
член Градостроительной комиссии Научно-методического совета Министерства культуры СССР.

КИНО СЕГОДНЯ

— Вы просили сделать пробу...

Л. НАСЫРОВ, М. ВАЙСБОРД (тема).

Степан ДМИТРИЕВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Рассказ

Загазованным майским вечером, сглатывая комок в горле, подошел Семен Макрамеев после трудового дня к магазину «Воды». Полупольный портфель содержал ужин для семьи (полтавские котлетки, винегрет да батон за 25), но, кроме этого, небольшой отсек, предназначенный... Впрочем, редкий мужчина не поймет Макрамеева.

Войдя в пустой зал и окинув взглядом украшенную трехлитровыми банками сока витрину, Макрамеев грустно отметил: как флаг покинутого командой корабля висел на рее (читай — леске) ничего не обеспечивающий ценник: «Пиво «Жигулевское» — ц. 50 коп.».

Через минуту, которую Семен провел в раздумьях о смысле жизни, за прилавок вошел известный всему району продавец Николай. Он был немолод, хорош собой, одет во все импортное, а сверху в грязный белый халат. Несмотря на духоту, его седую голову венчала лыжная шапочка «Пума».

Семен поздоровался и получил ответное благосклонное приветствие, после чего создалась небольшая пауза. Наконец Макрамеев решился:

— Был сегодня завоз, а, Коль?

— Был.

— До обеда все разобрали?

— А то!

— По многу брали?

— Ящиками!

Семен помялся и тихо, хотя их никто не подслушивал, проговорил:

— Коль, а не осталось немного?

Николай, видно, был сегодня в настроении, да и страждущие не лезли с приставаниями, поэтому он просто спросил:

— Сколько надо?

— Пяток... — шепнул Макрамеев.

Коля неспешно отошел в святая святых и, вернувшись, взглядом показал Макрамееву — открывай, клади, да так, чтоб тихо и быстро.

Но тихо не получилось. Дверь грохнула, и в магазин влетел мальчишка с матерчатой сумкой, позвякивающей бутылками. Он быстренько выставил их на прилавок и протянул руку за деньгами.

Однако реакция Николая была неконструктивной. Он даже не притронулся к посуде, а, зевнув, промолвил:

— Подросткам денег не даем, только на обмен. Хочешь, сок бери.

— Дядь, так у меня всего...

— Подросткам денег не даем.

Мальчишка, не особо расстроенный, собрал свою стеклянную команду и ушел, не выругавшись, как бы сделал взрослый.

Макрамеев, переставляя прохладные бутылки в портфель, поинтересовался:

— Коль, а чего денег-то не дал пацану?

Лаконичный Коля оживился:

— Понимаешь, брат, они вот так толкнут посуду, а потом с деньгами подкатят к мужику, купи, мол, сигарет. Даже распоряжение такое по торгу вышло — детям бабки не давать.

Макрамееву захотелось поддержать тему, и он горячо продолжил:

— К мужику! Я, Коля, видал такой эпизод — подходят бочком двое, ну, совсем первоклашки, к киоску, а там старшеклассники уже отоварились. Так вот, малютка просит — купи пачку, нам не дают! А в ответ — 20 копеек дашь?! Понимаешь, с младых ногтей готовы нетрудовую копейку иметь! С младых ногтей!

— Не говори, брат, ведь совсем дети, сопляки! — поддержал Коля.

Разговор вроде бы исчерпался, Макрамеев сунул в Колину ладонь скомканную пятерку, получил железный, с памятником в Трептов-парке рубль и ушел домой, жалея и радуясь.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

З. ПАПЕРНЫЙ

ОСТОРОЖНО — УЛЫБКА!

Я стараюсь следить за юмористической литературой. Впрочем, это определение — «юмористическая» — требует комментариев. Оно вовсе не является синонимом слова «смешная». Так же, как, скажем, словосочетание «продуктовый магазин» не означает, что это магазин с продуктами. Точнее сказать: продуктовый магазин — это такой магазин, который называется продуктовым.

Недавно я был на Ярославском вокзале. Мне захотелось пить. Вижу у одного кооперативного прилавка вывеска: «Клюквенный морс — 30 коп.» Я обрадовался, заплатил, и мне налили в бумажный стаканчик... все, что угодно, только не морс. Эта вода даже не хранила воспоминаний о клюкве. С тем же успехом ее можно было бы назвать клубничным соком или ананасным. В общем, вода. Правильней было бы присвоить ей название — вода имени клюквы.

Так вот, юмористическая литература, которая у нас издается в большом количестве... Впрочем, обратимся к примерам.

В прошлом году в Воронеже, в Центрально-Черноземном книжном издательстве, вышла книга «Омлет из шампиньонов» — «сборник сатирических и юмористических новелл, басен, пародий». В нем тридцать один автор — из Воронежа, Белгорода, Тамбова, Липецка, Курска, Мичуринска, Старого Оскола, Острогожска, Боброва... Но когда читаешь эту своеобразную энциклопедию областного юмора, испытываешь чувство, будто сочинили ее не множество разных людей, а один или от силы два человека. Возникает образ некоего объединенного автора — весьма оживленного, говорливого, с широкой улыбкой — только вот она, эта улыбка, редко передается читателю. Казалось бы, по идее должно быть наоборот: сдержанный, с внутренним смеховым зарядом сатирик-юморист и — читатель, который покатывается со смеху. Так вот — не покатывается. И хочет покатиться, да не может.

Книга завершается такой аннотацией: «В сборник включены сатиро-юмористические (как видим, на этом определении издательство настаивает) произведения авторов пяти областей Центрального Черноземья. Представленные читателю сатирические новеллы, юморески, фельетоны, басни, пародии направлены против фактов и явлений застойной жизни нашего общества, проникнуты пафосом утверждения идеалов подлинной демократии».

Итак, в 1988 году выходит «сатиро-юмористический» сборник, высмеивающий факты не сегодняшней жизни, а вчерашней, уже официально «заклейменной» и «разрешенной для критики».

Много лет назад я сочинил песенку, в которой были такие слова (прошу прощения за то, что сам себя цитирую):

Сказали нам только сегодня
о том, как мы жили вчера.
О том, как живем мы сегодня,
еще сообщать не пора.

Ну, что же, мы не унываем
и бодрую песню поем —
мы завтра, наверно, узнаем,
ка́к мы сегодня живем.

Впрочем, есть в этом сборнике и отдельные отклики на перестройку. Но — радости мало. Иван Останков свой рассказ «Камбала в клеточку» начинает с Салтыкова-Щедрина, с его Премудрого Пискаря, Карася-идеалиста. Он описывает участь рыб в условиях застоя, а потом мажорно воспевает рыбью перестройку: «по главному руслу, на самом стрежне режут бурные потоки красавцы лососи, через пороги и водопады перескакивают, чтоб произвести на свет новое поколение могучих рыб, положить начало новому кругу жизни. По дну же пробиваются вперед осетровые. Любо им на свежей и сильной струе!»

Так вот, читатель, оказывается, осетровым у нас «любо». Где их видел автор? Где дают? Сообщите адрес!

И подобные рыбьи пляски выдаются за юмор и сатиру.

Владислав Ефимов выступает с «Ироничными строфами». Вот, к примеру, образец:

Как умно поглупело человечество,
Иль глупо поумнело — все равно,
Коль ядерное, не желая вечности,
Придумало оружие оно.
Копя его для дьявольского старта
И о большой гуманности твердя,
Оно погибит им не нынче завтра —
Кого же? Да само ж себя.

Предупреждение В. Ефимова, обращенное ко всему человечеству, вполне своевременно. Тут он прав — медлить действительно нельзя. Непонятно только, почему эта строфа — ироничная и вообще, какое отношение это имеет к многострадальной сатире и юмору? Смеху тут не больше, чем, скажем, в изречении: «Красный цвет — прохода нет».

Читая сборник, я, конечно, не всегда огорчался. Бывало, и радовался тому, что все-таки есть в нем произведения, заслуживающие, на мой взгляд, названия «сатиро-юмористических».

ДИРЕКТОР — РАБОЧИМ

Зачем вам выборы — не знаю!
Персоны хватит вам одной.
Родителей не выбирают,
А я вам, как отец родной!

Но таких вещей — подавляемое меньшинство. Зачем надо было включать в сборник столько несмешных произведений — одному богу известно, а точнее, редактору-составителю Э. Баранникову.

Евгений Вербин, автор сборника «Вернисаж. Иронические стихи, пародии» (М., «Советский писатель», 1988) не ограничивается тем, что высмеивает времена застоя. Он вторгается в мир сегодняшний. Есть у него такое выражение: не час пик, а «век пик». Поэт говорит о лихорадочной суете, спешке, о стремлении урвать, хапануть:

Напялить (все подряд
На зад и на фасад).
Добыть (хотя б ярлык —
Капризной моды крик!).
Достать. Переплатить.
Купить. Сменять. Схватить.
(Всем нос бы утереть!)
Успеть! Успеть! Успеть!

В стихотворении «Соболезнование» автор выражает сочувствие знакомой, у которой украли в театре модное манто. И учит ее жизни.

Все надо хвастать гардеробом!
А перед чем? И для чего?
Ведь мы давно уж, всем народом,
Пошли в поход на воровство!

И преуспели в этом деле,
Целенаправленно трудясь:
Мы производим те модели,
Которые не будут красть.

В таких стихотворениях, как «Рыцарское», «Головокружение», «Скажи «спасибо», действительно есть иронический подтекст.

Сборник завершается разделом «Портреты» — здесь помещены пародии на В. Бокова, Е. Евтушенко, Ф. Искандера, Р. Рождественского и других.

У меня с Евгением Ивановичем Вербиным добрые дружеские отношения. Тем труднее мне признаться — пародии ему удались меньше, чем стихи от первого лица. Справедливости ради следует добавить, что пародии относятся к раннему периоду его работы.

И третья из юмористических книг, прочитанных мною за последние дни,— Мих. Мишин «Поверх поверхности» («Московский рабочий», 1988). Это автор известный, печатается с 1969 года, но особенную популярность приобрели сейчас его фельетоны и среди них, конечно, «Одобрям»:

«Издать Сыроежкина — Одобрям. Изъять Сыроежкина — бурно Одобрям<...> Вопрос «Кто воздержался?» вызывал улыбки. Вопрос «Кто против?» считался вообще чем-то из английского юмора. Реакция на вопрос «Кто за?» была похожа на выполнение команды «Руки вверх!».

Мы привели несколько строк, и уже проступили черты мишинского повествования — короткие, энергичные фразы, если можно так сказать, скрытая, негромкая ударность.

Есть в сборнике фельетоны, которые воспринимаются как вариации на тему «Одобряма». Это «Скрепки», «Голос». Написаны они раньше, но так или иначе продолжают «Одобрям». Своего рода «Повторям».

Очень хорош фельетон, открывающий книгу,— «Добро пожаловать, хозяин!» — о спецобслуживании, при котором вход в гостиничный ресторан только для иностранцев, а вывеска «Hotel» превращается для наших граждан лишь в «Хотел».

Отмечу также фельетоны «Обучалки», «Секреты», «О любви». Добавлю еще «Можно и нельзя», фельетон, напечатанный в «Литературной газете» (8 февраля 1989 г., № 6).

В сборник «Поверх поверхности» включены и рассказы. Есть тут свои находки, но в целом, как мне кажется, Михаилу Мишину ближе, для него естественней форма фельетона, в котором слышится его авторский голос — сдержанно-язвительный.

Таковы мои впечатления от трех книг, проходящих по разряду сатиры и юмора, как видим, с разной степенью оправданности. За рамками рецензии остались многочисленные сборники, похожие на рассмотренный нами «Омлет из шампиньонов»,— настолько несмешные, что юмору в них не больше, чем клюквы в привокзальном морсе.

Если говорить о тех книгах, о которых мы писать не стали,— возникает впечатление: план по смеху выполняется, как план по валу.

«Осторожно — улыбка!» — так называется один из рассказов воронежского сборника. Название это во многом подходит и к той «валовой» литературе, которая именует себя то сатирической, то юмористической, то иронической. Это напоминает скучного человека, надевшего на лицо улыбающуюся маску.

Наверное, надо было бы издать книгу действительного юмора, куда вошли бы лучшие произведения М. Жванецкого, М. Задорнова, Г. Горина, А. Арканова, М. Мишина, А. Иванова — называю лишь некоторых. Чтобы получилась книга не просто «юмористическая», а еще и смешная.

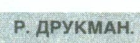
И в самом деле, что может быть глупее, чем смех для галочки?

В. ЛУГОВКИН.

— *Беру только долларами!*

Р. ДРУКМАН.

И. НОВИКОВ, И. НОРИНСКИЙ (тема).

Г. ОГОРОДНИКОВ, Б. ВОРОБЬЕВ (тема).

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ОБЛИЧИ ЖИВОГО ТИРАНА!

Вот случай с древнегреческим писателем Элианом. Однажды Филострат Лемносский повстречался с ним, когда Элиан держал в руках книгу и читал ее, гневно повышая голос. Филострат спросил, что это он делает. «Я написал,— ответил тот,— обвинительную речь против Гиннида: так у меня назван тиран, недавно убитый за то, что всевозможными непотребствами бесчестил римлян». На это Филострат сказал: «Я был бы в восхищении, сочини ты эту речь при его жизни». Ведь настоящий муж должен обличать живых тиранов, а мертвых пинать может любой, кому не лень.

ЖИТЬ МОЖНО!

Из-за залежей серебра маленький городок Тумбстон в штате Аризона (США) был когда-то вторым Клондайком, но затем копи затопило, и городок зажил туризмом. Приезжим показывают церковь, выстроенную на выигрыш в карты и в рулетку; «башмачное кладбище», где похоронены только те, кто умер в башмаках, то есть не в постели, не от болезни, а в перестрелках и драках; надписи типа: «В Тумбстоне не бывает полузастреленных»; портрет бандита, былой грозы штата, открывшего на склоне лет зубоврачебный кабинет. И в заключение сообщают, что в городе лучшая экологическая обстановка в мире, доводя до сведения туристов такой анекдот: «У нас самый здоровый климат, здесь никто не умирает».— «Как это никто? А кого же это везут в гробу мимо нас?» — «Да это же тот чудак, что приехал сюда и вздумал открыть похоронное бюро. Он умер с голоду».

«ОСВЕЖИТЕЛЬНОЕ ОПАХАЛО»

«В начале XIX века,— сообщал «Русский архив» в 1876 г.,— один французский путешественник, посетивший Россию, для полноты впечатлений решил помыться в настоящей русской бане. Банщик решил не ударить лицом в грязь перед любознательным иностранцем и продемонстрировал ему все свое искусство. В опубликованных во Франции путевых заметках не чаявший остаться в живых француз подробно описал все мытарства, через которые он прошел, заканчивая красочное повествование словами: «Жара такая нестерпимая, что даже когда обвевают тебя березовыми вениками, то никакой свежести не ощущаешь, а кажется, напротив, бывает еще жарче».

Несчастного парили на полке горячими вениками, а он принимал их за освежительные опахала!

Близнецов («ССС») ублажали А. ШЕВЯКОВ (Ташкент), А. БЕЙЛИН (Москва) и Ю. БОНДАРЕНКО (Ленинград).

Со стр. 3.

РОКОВОЕ ПИСЬМО

ность и высказывают угрозу обратиться в международные организации, если не будут удовлетворены их требования.

...В процессе розыска установлен и разоблачен автор анонимных писем, который их изготовил и распространил от имени моряков Новороссийского морского пароходства. Им оказался Пузанов Виталий Павлович 1929 г. р., уроженец г. Днепропетровска, русский, член КПСС, образование 10 классов. По существу содеянного Пузанов представил письменное объяснение, копия которого прилагается. Изложенное сообщается для принятия мер.

Зам. начальника отдела УКГБ по Краснодарскому краю Шахтарин В. Н.».

Ну, какие там меры. Показали Пузанову в парткоме на какое место стола положить партийный билет, потом протокол заседания по форме составили: «Бюро парткома постановляет: за непартийное поведение, выразившееся в написании анонимных писем, порочащих советскую действительность, т. Пузанова В. П. из членов КПСС исключить.

Секретарь В. Безщеков».

В деле имеется служебная характеристика на Пузанова. В ней такие слова: «К выполнению служебных обязанностей относится добросовестно. Вахту несет бдительно, принимает активное участие в общественной жизни судна, читает лекции, проводит беседы, постоянно работает над повышением своих политических знаний. В быту опрятен, с товарищами вежлив. Профессию свою знает и любит.

Начальник отдела кадров флота Новороссийского морского пароходства В. Комаров».

Да, похоже, это тот самый случай, когда читать надо было поменьше и к политическим знаниям относиться поспокойнее. А то ведь начитаются и начинают «свое суждение иметь».

Пузанов страдал. Он написал письмо секретарю парткома пароходства В. С. Сурдову (письмо длинное, так что даем его в сокращении): «Не тая в душе какой-то злобы и вражды, а руководствуясь чисто гуманными побуждениями и человечностью к своим товарищам — морякам.., я думал, что только я смогу им помочь улучшить их материальное и моральное положение... Все это время терзает мою душу и сердце вина перед КПСС и товарищами по рядам партии. И от мысли о том, что я поступил подло, у меня голова раскалывается... Товарищи! Я не имею права у вас и у родной партии что-то просить. Но я прошу мне поверить. Клянусь прахом героев-коммунистов, погибших за Советскую власть, что отдам все свои силы и способности, а если понадобиться, и жизнь, чтобы искупить свой подлый поступок!»

На этот крик души шлепнули печать и подшили его к делу.

Пузанов пишет еще одно неформальное письмо бывшему первому секретарю Новороссийского горкома партии Э. Н. Полякову:

«Не могу подавить в себе удивление, что ни партком НМП, ни другие партийные органы так до конца не смогли разобраться в моей психологии человека, гражданина и бывшего коммуниста... И это самые гуманные люди, которые только и знают, что говорят о воспитании коммуниста. Ничего себе воспитание! С уважением Виталий Павлович Пузанов, № бывшего партбилета...

...Это письмо не для подшивки в «дело», это мое простое человеческое слово от всей души к Вам, тоже человеку».

Как вам эти запросики? Не подшивать к делу! А к чему подшивать? К брюссельским кружевам? Короче, печать вновь приложили, и дело на один странный документ увеличилось.

Никого из людей, решивших судьбу моряка Пузанова в начале 1975 года, я на прежнем месте не обнаружила. Большинство на пенсии, кое-кто в больнице, некоторые сделали служебную карьеру и никакой такой истории не вспомнили.

Новый начальник Новороссийского управления КГБ Иван Федорович Самарский по просьбе заведующей общим отделом горкома партии Любови Павловны Туличенко дал мне интервью по телефону. Положив трубку, я посмотрела на часы. Разговор длился семь минут. Это не совпадение. Я уверена, что это особым образом отшлифованный профессионализм. Иван Федорович во времена пузановского детектива в Новороссийском УКГБ не работал, но ситуацию оценил мгновенно. И высказался в том духе, что Пузанов отвлек управление от важных дел, о чем, кстати, и написал сам в объяснении. Сейчас на него ничего нет, он органам не интересен. И пусть свои отношения с партией строит сам: на его розыск были затрачены средства, по поводу чего ему и предъявили претензии.

Итак, Пузанова изобличили в «изготовлении» с трудом найденного выеденного яйца. Его пригласили в учреждение, куда по собственному желанию ходят редко. Его оскорбили, вскрыв и прочитав письма, заклеенные для других адресатов, нарушив тем самым тайну переписки, то есть положение Конституции СССР. Но самое драматичное — он очень испугался за семью, жену и дочь-комсомолку. Испугался, как все, вероятно, понимают, не без оснований. О страхе за репутацию и судьбу близких он написал в объяснении. Он еще кое-что написал в том же подшитом к делу документе: «Если бы я знал, что получится из этой глупости, то я бы не мучился «дурью», задав такую колоссальную работу органам, отвлекая их от главной задачи: выламывания шпионов, обезвреживания государственных преступников, охраны наших государственных интересов. **Взять бы мою дурную голову и ударить ее об камень, чтоб мозги из нее полетели!»**

Кстати, в разных городах и разных кабинетах мне задавали один и тот же вопрос: почему Пузанов не пишет формальных и привычных для функционерных глаз обращений с просьбой о восстановлении в партии, именуемых «апелляциями»? Почему он вообще обращается в высокие инстанции с письмами в жанре психологических исследований?

Он считает, что ошибки должны исправлять те, кто их совершил. Наивно? Конечно. Кстати, опальный в 1975 году Сахаров, которого пытались исключить из академиков,— тоже «прошений о помиловании» не писал. Но вот закончились наши первые нефиктивные и для нас фантастически демократические выборы. Скажи какая-нибудь гадалка лет 15 назад, что опальный академик станет народным депутатом,— сотрудники Новороссийского КГБ, наверно, просто обхохотались бы. Не отказавшись ни от одного из своих «криминальных» принципов, Сахаров не только восстановлен во всех нарушенных правах. Он получил и особое право — законно, официально представлять интересы народа. В том числе Пузанова, чье роковое письмо Андрей Дмитриевич, конечно, не читал. Но время доказало правоту и честность обоих. Под проблемами, перечисленными Пузановым в его письме, сейчас спокойно поставили бы свои подписи моряки не только Новороссийского пароходства, но и всех остальных.

Выходит, советскую действительность Пузанов не порочил. А коли так, не взглянуть ли на него по-новому и партийным органам Новороссийска, которые исключили его из партии? Да, под своим письмом Пузанов не подписался. Но в письме-то ПРАВДА! А это — главное.

Винница — Краснодар — Новороссийск.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ДНЯ

Наблюдение Ганса Христиана Андерсена остается справедливым и по сей день: в Китае по-прежнему живут китайцы... В остальном с тех пор, правда, произошли существенные изменения.

Да что там, достаточно взять последние сорок лет: какие удивительные метаморфозы случались и в этой стране, и попутно в наших с ней отношениях! Чего стоит переход «вечной дружбы» в «большую размолвку»...

И надолго: советско-китайский диалог на высшем уровне был прерван на тридцать лет и возобновлен в мае 1989 года, что стало действительно «рубежным событием» и позволило свершить акт, выраженный в восьми китайских иероглифах. «Закрыть прошлое, открыть будущее». Или, в более развернутой и символической форме, «пусть ветер сдует все, что было, и давайте смотреть вперед».

Пусть его сдует, в самом деле,— кому пошли на пользу годы противостояния? Уж, во всяком случае, не нашим народам: китайскому, «рывшему глубокие туннели, запасавшему зерно впрок и повсеместно»; советскому, уставшему от жизни «во враждебном окружении», со всеми вытекающими из такой жизни последствиями.

Начался отсчет нового этапа в советско-китайских отношениях, которые отныне, как уже не раз подчеркивалось, будут отличаться и от тех, которые связывали нас в 50-х, и от тех, которые сталкивали нас на протяжении двух последующих десятилетий. В них появилась новая черта — равенство, коего не было даже и в ту обманчиво безоблачную пору, когда «Сталин и Мао слушали нас». Имевшие хождение формулы типа «Советский Союз сегодня — это Китай завтра» или политическая демагогия касательно «старшего брата — младшего брата» подразумевали что угодно, только, согласитесь, не равенство.

Итак, поступило взаимное предложение «подвести черту» и смотреть вперед, оставив груз прошлого на растерзание историкам.

Принципы «Панча шила», сформулированные в свое время Чжоу Эньлаем и Джавахарлалом Неру, создают, будем надеяться, надежную основу для построения отношений дружбы и добрососедства. Любопытно, кстати, что эти принципы (их, напомним, пять: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимные выгоды; мирное сосуществование), сочетающие традиционный индийский отказ от насилия и «жэнь», древнекитайскую философскую идею гуманности, как нельзя лучше гармонируют с предложенным Москвой новым политическим мышлением — продуктом 80-х годов нашего века.

Для будущего чрезвычайно важно, конечно, как пойдет наше экономическое сотрудничество с Китаем, и не только, кстати сказать, в таких областях, как энергетика или металлургия, но и в легкой промышленности, и в пищевой, напрямую связанных с нашим нелегким бытом. Не менее важно и взаимодействие двух стран в решении международных проблем, при том даже, что наши точки зрения не всегда совпадают и у каждого есть свои интересы.

Но еще одну задачу время ставит в ряд первоочередных. СССР и Китай должны наладить широкие человеческие контакты. Это тем более необходимо, если учесть, что обе наши страны в прошлом имели длительные периоды самоизоляции, подозрительного, а часто и враждебного отношения к окружающему миру. Неведомое всегда страшит, и только близкое знакомство ведет к доверию.

Со своей стороны, «Крокодил» уполномочен заявить о своей безусловной готовности к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества с китайскими коллегами. Кстати, мы уже установили рабочие, хотя и неформальные, отношения с московским бюро агентства «Синьхуа», принимали его представителя у себя в редакции и предложили ему стать одним из авторов журнала. Каковое событие было отмечено распитием превосходного китайского чая. Что касается дальнейшего развития контактов... Готовы продолжить их и в Москве, и в Пекине.

Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ.

Фред БАРНС (США)

ОШИБКА ПРЕЗИДЕНТА,
или
Девять полезных советов новичку в Белом доме

Фред Барнс — корреспондент американской газеты «Нью рипаблик», аккредитованный при Белом доме. Внимательнейшим образом проштудировав послужные списки американских президентов — от Рузвельта до Рейгана, он решил дать несколько практических рекомендаций новому хозяину дома № 1600 по Пенсильвания-авеню в Вашингтоне — Джорджу Бушу. Мы публикуем его статью с незначительными сокращениями.

1. Не пускайтесь в дорогу без путеводителя. А наилучшим путеводителем следует признать комплекс пусть немногочисленных, зато твердых представлений о состоянии общества и способах управления им. Именно этого не хватало Джимми Картеру. То есть, наоборот, его буквально распирало от идей, кои он вынашивал, пока служил во флоте, выращивал арахис, был губернатором Джорджии... Но он совершенно не ведал, как облечь эти идеи в форму политического курса.

В результате он начал бомбардировать конгресс законодательными предложениями, которые касались то экономики, то энергетики, то реорганизации правительства, то социального обеспечения. Конгресс, естественно, никак не мог управиться с этим бурным потоком, и почти все инициативы Картера были сведены на нет.

С другой стороны, Рональд Рейган, вступив в должность, провозгласил лишь несколько простых принципов: снизить налоги, сократить управление, не жалеть средств на военные нужды. Учтя ошибки Картера, Рейган сузил свой кругозор, определил очередность задач и — выиграл.

2. Не теряйте времени даром. Незадолго до того, как Ричард Никсон пришел к власти в 1969 году, один из его помощников подготовил служебную записку, в которой заклинал «не гнаться за Рузвельтом», который успел добиться много уже за первые 100 дней в Белом доме. Никсон прождал до августа и лишь тогда направил в конгресс свою первую программу по внутренним вопросам. Полный крах! Дуайту Эйзенхауэру вообще понадобился целый год, чтобы подготовить законодательные предложения. А чего он добился за восемь? В его актив можно занести разве что строительство автомагистралей между штатами.

Популярность президента особенно высока в первые месяцы после выборов. Это своего рода «медовый месяц». Пресса, как правило, еще дружелюбна. Публика заинтригована новыми лицами и идеями. Конгресс находится под впечатлением той поддержки, которую президент получил у избирательных урн. Но медовый месяц не может длиться вечно. Скоро найдутся недовольные, индекс популярности поползет вниз, а конгресс начнет огрызаться.

3. Свет не сошелся клином на Вашингтоне. Во время своей предвыборной кампании Гарри Трумэн весьма опасался оказаться оторванным от рядовых избирателей. По его просьбе его старый друг Лесли Биффл надевал макинтош и отправлялся в сельскую местность, где проводил время в беседах с простыми людьми, снабжая Трумэна ценной информацией.

Его преемники вели более изолированный образ жизни. Никсон, например, в последние годы своего президентства редко отправлялся в поездки и даже со своими ближайшими помощниками общался в основном путем переписки. Рейган во время второго срока в Белом доме тоже в значительной мере утратил связь с народом и не почувствовал в нужный момент растущего возмущения по поводу продажи оружия Ирану.

Когда Буш был вице-президентом, он лично писал буквально тысячи писем друзьям и знакомым. Хорошая практика! Конечно, теперь ему это будет труднее, но постараться стоит. Что нужно президенту от друзей? Уж конечно, не рекомендаций политического толка, которых и без того хватает! Нужен прямой разговор с людьми, знающими обстановку на местах.

4. Не идите на поводу у бюрократов, направляйте их усилия в нужное русло. Франклин Рузвельт жаловался, что среди государственных служащих слишком много консерваторов. Никсон утверждал, что учреждения кишат либералами. В любом случае бюрократия может стать могущественным врагом. В 1948 году чиновники госдепа бились не на жизнь, а на смерть против решения Трумэна о признании Израиля в качестве независимого государства. Попытки Рейгана ликвидировать министерства образования и энергетики были блокированы тамошними бюрократами, нашедшими союзников на Капитолийском холме.

Конфронтация с бюрократами — дело пустое. Но можно попробовать направить их энергию в желательном направлении. Неплохое впечатление производит на них эффект «сильной руки». Вспомните 1981 год, когда Рейган приказал бастующим авиадиспетчерам приступить к работе, а 11 тысяч неподчинившихся взял да и уволил. Бюрократы ему внимали.

5. Не позволяйте прессе садиться вам на шею. У репортеров своя повестка дня, вовсе не обязательно совпадающая с повесткой дня президента (и общественности, кстати, тоже). Они обожают пресс-конференции, транслируемые по телевидению на всю страну. Оно и понятно: здесь они могут блистать, затмевая порой и самого хозяина Белого дома. Подготовка к такой пресс-конференции занимает иногда несколько дней и держит в напряжении как президента, так и его помощников. Картер в свое время обещал проводить по две пресс-конференции в месяц. Потом он об этом горько сожалел.

Неплохой рабочий принцип был сформулирован Лэрри Спиксом при Рейгане. «Не навязывайте нам ход событий,— сказал он репортерам,— а мы не будем вас учить, как их освещать». Иными словами: пусть президент сам решает, какими вопросами заниматься, а уж дело прессы — сообщать об этих вопросах публике.

Да, кстати... Дональд Рамсфелд, шеф аппарата сотрудников Белого дома в администрации Форда, носился с идеей выселить репортерский корпус из Белого дома, где журналисты облюбовали себе уютное местечко прямо над президентским бассейном...

6. Не злоупотребляйте услугами телевидения. Телеобращение

Алиа ЗОБЛ (США)

СЪЕШЬ ОБА ПИРОЖНЫХ!

Не верьте общепринятому мнению, что если женщина не замужем, то это несчастье. На самом деле это вполне выносимо. А в сущности, даже приятно.

Чтобы доказать этот тезис, я решила подобрать десяток весомых аргументов, но их оказалось значительно больше. Вот некоторые из них.

Твоя кошка или собака могут спать с тобой в кровати.

Пылесос можно включать, когда захочешь. Или вообще не включать.

Тебе не надо беспокоиться, что кто-нибудь выпьет твои контактные линзы, которые ты оставляешь на ночь в чашке с водой.

Можно сушить на кухне выстиранные колготки.

Никто не будет критиковать твои кулинарные способности.

Если у тебя один билет на Билли Джоэла, можно пойти на концерт, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

Никто не будет высказывать претензий, если тебе позвонят среди ночи.

Можно делать какой угодно макияж. Можно потратить на парикмахера любую сумму, не боясь репрессий.

Можно на ночь сделать себе любую косметическую маску и так лечь спать.

Дома можно ходить в своей старой любимой теннисике и в ней ложиться спать.

Можно делать перестановку мебели среди ночи.

Можешь разговаривать сама с собой сколько захочешь.

Не надо ждать очереди в ванную.

За едой можно катать хлебные шарики.

Не надо искать причину, чтобы купить новое платье.

Если есть коробка конфет, то можно перепробовать их все, чтобы выяснить, где самая вкусная начинка.

Всю квартиру можно увешать фотографиями Алена Делона или Джона Леннона.

Можно заводить одну и ту же пластинку сколько захочешь.

Ты не будешь испытывать чувство вины, получая более высокую зарплату, чем муж.

Можно принести домой два шоколадных пирожных и съесть оба.

И наконец, у тебя не будет нужды врать, что ты не замужем.

Перевел И. ИГОРЯШКО.

●

— Будьте любезны,— сказал Фальцет парикмахеру,— сделайте мне пробор в середине головы, но так, чтобы волосы были разделены точно на две половины.

— Увы,— вздохнул парикмахер,— это невозможно. У вас на голове количество волос нечетное.

●

Когда кассирша в Авиаагентстве спросила пана Перишницу: «Куда вы хотите лететь?»,— тот ответил:

— Желательно туда, куда полетит мой чемодан.

●

На первом уроке плавания:

— Господин тренер, думаю, что на первый раз достаточно.

— Почему? Ты устал или тебе надоело?

— Нет, но я больше не могу выпить ни глотка.

●

Начальник отдела разговаривает с Ковальским.

— Сколько раз я вам говорил, что в рабочее время пить нельзя. Вчера, когда вы были трезвым, я был просто счастлив.

— Вчера, шеф, счастливы были вы, а сегодня моя очередь.

●

— Ковач, сколько вы себе позволяете выпивать в день? — с укоризной спрашивает врач у пациента.

— Четыре бутылки пива.

— Но я же вам разрешил только две!

— Да, но терапевт, который смотрел меня до вас, тоже разрешил две!

●

— У вас есть бедные родственники?

— Я о них ничего не знаю.

— А богатые?

— А они, к сожалению, ничего не знают обо мне!

●

Гиза видит, что его младшая сестра собирается пить воду из лужи.

— Этого нельзя делать! — кричит ей Гиза.— В воде могут быть бактерии!

— Они уже все умерли, я сначала переехала лужу на самокате! — бойко отвечает девочка.

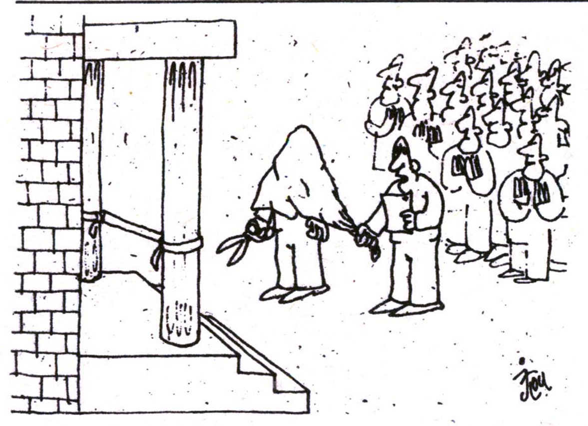
●

— Лайош, когда же ты наконец собираешься разводиться?

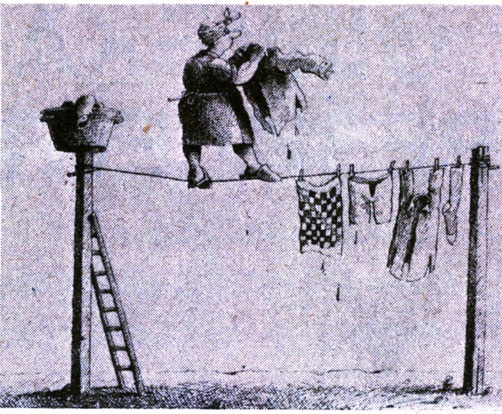
— Беда в том, Эди, что нам с женой трудно разделить поровну наших троих детей, поэтому придется дожидаться четвертого.

●

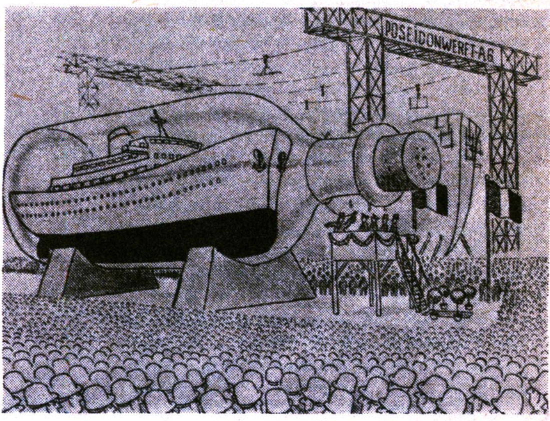
Из журналов «Лудаш мати», Венгрия, «Пшекруй», Польша, и «Стыршел», Болгария.

«Павлиха», Югославия.

«Штерн», ФРГ.

«Ойленшпигель», ГДР.

Со стр. 13.

к нации следует приберегать для наиболее важных случаев. Джеральду Форду этот урок стоил дорого. Он настоял на прямой телетрансляции своей речи, посвященной борьбе с инфляцией. И в результате только настроил против себя большую часть зрителей. Беда в том, что президенты и их советники считают телевидение панацеей. Если все средства исчерпаны, суйте президента под глаз телекамеры. Однако чем чаще телезрители видят президента, тем меньше они реагируют на его выступления.

Рейган, как бывший актер, разумеется, не мог избежать телесоблазна. В 1981 году он несколько раз обращался к зрителям по тому или иному поводу и, как выяснилось, с убывающим эффектом.

А ведь есть неплохие альтернативы ТВ. Форд первым стал практиковать региональные пресс-конференции с участием журналистов из провинции. Картер проводил двухчасовые «радиомосты», в ходе которых отвечал на звонки слушателей. Рейган пришел к идее субботних радиообращений. Все три способа вполне приемлемы: они не требуют долгой подготовки, получают освещение в прессе, и президент при этом не слишком часто мозолит глаза публике.

7. Не сходите с ума по поводу утечек информации. Джонсон отменял встречи, о которых пронюхивали газеты. Никсон создал в Белом доме особую «группу водопроводчиков» для борьбы с организаторами утечек. Прослушивались телефонные разговоры сотрудников администрации. Картер строжайшим образом предупредил своих помощников, что любой из них, кто будет уличен в несанкционированной передаче сведений прессе, будет незамедлительно уволен. Правда, ни один уволен так и не был...

Рейган как-то пошутил, что подумывает о таком средстве предотвращения утечек информации, как гильотина. Потом приказал использовать для этой цели детекторы лжи... Правда, госсекретарь Джордж Шульц поклялся, что сразу же подаст в отставку, если его кто-нибудь попробует проверить на пресловутом детекторе. Рейган тут же отозвал свое распоряжение. Любые попытки исключить утечки всегда тяжелы, иногда незаконны, редко приносят успех и неизбежно получают дурную прессу.

Что же делать? Да ничего. Как показывает опыт, утечки, конечно, раздражают, но в большинстве случаев не приносят особого вреда.

8. Не стоит недооценивать тех бед, которые способны принести вам ваши родственники и друзья. Никсон назначил министром юстиции своего близкого друга Джона Митчелла. Тот получил полную свободу действий от имени своего приятеля. Результат: Уотергейт. Брат Картера Билли попал в скандальную историю, будучи обвинен в участии в «проливийском лобби». Это резко снизило шансы Картера на переизбрание в 1980 году. Жена Картера Розалинн, посещая заседания кабинета, тоже мало способствовала популярности мужа. Нэнси Рейган вмешивалась в кадровые и политические вопросы. Именно из-за нее подали в отставку несколько близких помощников Рейгана, включая Дональда Ригана.

Назначение друзей и приятелей на высокие посты всегда рискованно: их трудно уволить в случае провала. А их деятельность слишком часто бывает ниже всякой критики. «Первым леди» неплохо бы усвоить принцип: давать мужьям советы только с глазу на глаз. Когда они начинают командовать сотрудниками, начинается бедлам.

9. Не забывайте, что вы босс. Почти все президенты-новички начинают с того, что обещают «кабинетное правление». Картер, например, заявил, что предоставит членам кабинета широкие полномочия по принятию решений. Некоторые приняли его слова за чистую монету. И совершенно напрасно. Когда Джозеф Калифано из министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения начал бороться против создания самостоятельного министерства образования, обещанного Картером в ходе предвыборной кампании, Картер его выгнал. Лучше уж сразу сказать членам кабинета, что они должны руководить своими департаментами, принимая текущие решения, а крупные политические вопросы пусть решает президент.

Вот Линдон Джонсон никогда не сомневался в том, кому принадлежит власть. «Запомните одно,— говорил он сотрудникам.— В Белом доме есть два вида фауны: слоны и муравьи. Причем единственным слоном являюсь я сам».

Рейган, хотя и проявлял решительность в крупных вопросах, порою слишком полагался на своих сотрудников. В результате он прозевал дело «Иран-контрас». Совет помощникам: «Не изображайте из себя президента. Вы им не являетесь». В Белом доме должен быть один хозяин. Президент.

Перевела Е. ПОПОВА.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

Александр ФИЛИППЕНКО

Имеет импозантный вид,
В концертах Зощенко читает...
Артист настолько знаменит,
Что в пьесе Славкина играет!

Борис БРАЙНИН.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

(С упаковки медного купороса.)
Прислал И. Ивашкин, г. Димитровград.

«Будучи переведенной за обсчет покупателей в пивной бар, практических выводов для себя на сделала и продолжала обсчитывать клиентов по меркам ресторана 1 класса».

«К вверенной технике относится не чутко, в результате чего она отказывается с ним работать».

«Всегда старается быть впереди, чем отрывает себя от коллектива».

«Характеристика дана на предъявителя».

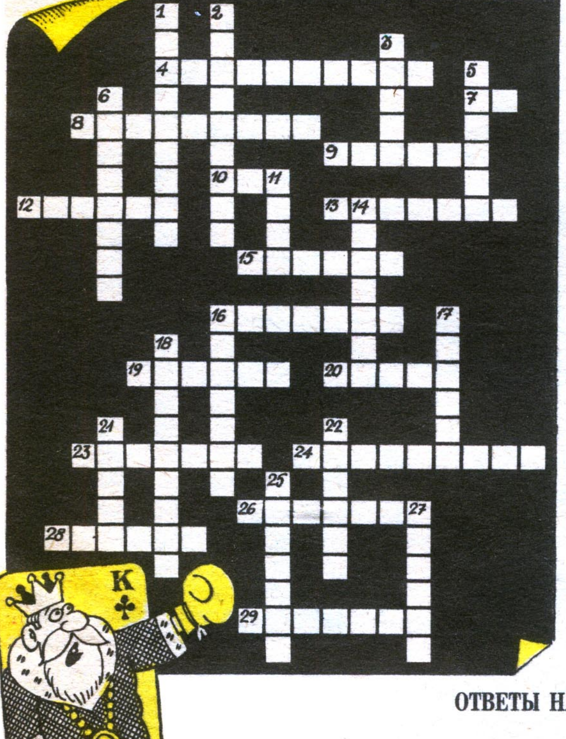
«Доступна. Охотно вступает в контакты с отдыхающими, не унижая при этом свое медицинское достоинство».

«Выпивает только по уважительным причинам, за что неоднократно поощрялся администрацией».

«Успешно окончила ПТО. Имеет склонность к мужским брюкам и уже имеет свою клиентуру».

(Из характеристик.)
Прислал В. Ландо, г. Рига.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Бюрократова флешь. 7. Качество, присущее горному обходчику (послов.). 8. Озверевший медработник. 9. Светоч (уличн.). 10. 1/2 семейного наставления. 12. Украшение избы. 13. Предметный разговор в семье. 15. Фрукты, которые недалеко падают. 16. Людоедское обращение к мужчине (лит.). 19. Украшение долга. 20. Бедный объект шишкопада (послов.). 23. Временная нехватка (игр.). 24. Ветреная специальность с собачьей точки зрения (послов.). 26. Плевая часть интерьера. 28. Стройматериал для сказочного домика. 29. Средство передвижения, периодически подвергающееся качке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Учебное пособие (денежн.). 2. Литературный штамп. 3. Спутник телезрителя. 5. Сын показательной матери. 6. Человек, который во всем знает меру. 11. Эталон роста. 14. Птица, играющая в подкидного. 16. Птичка, нанесшая лобовой удар (сказочн.). 17. Тот, кто может побить даму. 18. Материал для вороны, а может быть, коровы. 21. Телепорция. 22. Державный головной убор. 25. Специалист по уходу (сказочн.). 27. Предмет, с которым можно идти на все четыре стороны.

Составили Мих. МЕШМАН, Арк. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Склянка. 8. Колун. 9. Овраг. 10. Непоседа. 11. Лабиринт. 14. Трава. 16. Подкоп. 18. Курица. 19. Комендант. 22. Нищета. 23. Тамбур. 24. Порох. 28. Баловень. 29. Гостинец. 30. Жених. 31. Склон. 32. Селедка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рокер. 2. Рукоятка. 4. Кредит. 5. Курага. 6. Квартира. 7. Тайна. 12. Календарь. 13. Спальня. 15. Карьера. 17. Проба. 18. Канат. 20. Метеорит. 21. Смешинка. 24. Пенсне. 25. Хлопок. 26. Палец. 27. Венок.

КРОКОДИЛИНКИ

В. ДУБОВ.

— Счастливая Машка, за иностранца замуж вышла!
В. МИХАЙЛОВ, Московская область.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск

А. ВАСИЛЕНКО, г. Киев

«ВАШ ВЫХОД, МАЭСТРО!»

Традиция возносить юбиляра единственно ради его юбилея, кажется, благополучно отмирает. Не раз Крокодил сталкивался с проблемой юбилейной фанфаризации: к примеру, художнику-карикатуристуназревало 50 (60, 70 и т. д.) лет, надо бы в журнале рассказать о нем, опубликовать его новые работы — а достойных произведений к своей круглой дате именинник как-то не создал. Не получилось. Или не успел.

Учитывая многочисленные просьбы читателей, Крокодил решил знакомить их с творчеством своих художников, невзирая на даты и независимо от возраста, пола, семейного положения и национальности мастеров карикатуры.

Так родилась новая рубрика «Ваш выход, маэстро!»...

Вячеслав ПОЛУХИН

Его жизнь — сплошной поиск. Мятежный, как лермонтовский парус, он беспокойно рыщет по жизненному морю с единственной целью — обрести себя, найти точку приложения сил, чтобы принести наибольшую пользу любимому отечеству.

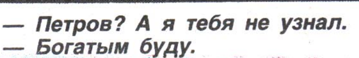
Работал грузчиком, электриком, лаборантом, аккомпаниатором, стрелком ВОХРа и даже машинисткой. В армии — оператором счетно-перфорационных машин.

Рьяно учился. В музыкальной школе (по классу баяна). В музыкальном училище. В художественной школе. В студии карикатуристов при «Крокодиле». В техникуме пчеловодства. В педагогическом институте на биофаке. В результате имеет среднее специальное образование по атомно-энергетическому профилю.

В 1981 году впервые напечатался в «Крокодиле». В 1986 году — лауреат Крокодила. И сейчас, в возрасте Иисуса Христа, прочно вошел в когорту ведущих карикатуристов журнала.

Темы для рисунков обычно придумывает сам.

— Петров? А я тебя не узнал.
— Богатым буду.

— Хотел попасть в Книгу рекордов Гиннесса!

— Лучше ты его в детский дом, чем он тебя потом в дом престарелых...

Цена 30 коп. Индекс 70448.